

ХР 109
7

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ

МОЛОДЕЖИ

1926
N°
24

О. Ровинскому (Таджинист). В ваших стихах имеется некоторая свежесть и смелость в постановке тем, но, избрав, например, Недороду, но легкая рифмовка на малозначительные темы. Напечатать не можем.

Е. Г. Еремину (Кременчуг). Позы, составлены из клочков края, это же не стихи, а письма. Рифмование дурит голову. Не имеем изображение темы этапов революции. Вообще тема взята болезненно, а силы ваши слабы. Плохо то, что совершенствует художник, но не умеет писать. Не пойдет.

А. Ковтун (Ставрополь). Стихи я вижу в Ваше допущены ряд явных промахов. Стиг ритм в 8 и 9 строках, очень плох и безсодержательно: «разлив бунтующих истоков», кто и кому вошел жизнью первым. Не пойдет.

Б. Ильярову (Москва). Написано слабо. «Пальчики»— недостаточный для печати отрывок. «Пиль»— малохудожественно. Не пойдет. Рукопись может пополнить в редакцию.

М. Алатееву (Москва). Вы находите в плане у старой эстетики, ваши стихи—перепись идеалистического прекраснодушия старых трехстененных поэтов.

У вас вечер—«ночна печаль», скромность, но не жесткость, не зажиманье, изобилие и профане, вытекающие отсюда «изредка»: «стихий час», «прозрачный луч», «пурпурно-златоголовый», «земля красота» и пр. и т. д. Вам необходимо проработать эти темы, чтобы спасти художественные искания.

С. Макарова (Самара). И хорошо и плохо. Стихи выделяются среди других, присыпаемых нам, и грамотностью и содержательностью, но сбиваются в концах частично избыточной обработкой, то на избыточную трактовку. Встречаются непрервенные куски и из Винни, и из Некрасова, и из Блохи, и из каких-то «меньшевистских» стихотворений. В ре- «тема, может быть и хоро- ша, но не всегда входит в чисто в сти- «темы». Пока ничего напи- сано.

У. К. Кузнецова (Рязань). Рас- чего не добь- чим художе- «о конце бражеста- щием». Заша- Ху-

Катальникову (ст. Тулуп). Ваши стихи крайне пустоваты и беспыльны, но легкая рифмовка на малозначительные темы. Напечатать не можем.

Н. Понуко (Липецк). Неизвестно, но легкая рифмовка на малозначительные темы. Напечатать не можем.

Н. Понуко (без адр.). В. Осеци (Симферополь). Б. Воронову (Ленинград). Г. Селимкину (Рыбинск). Д. Позднякову. Ф. Оренбургскому. Е. Кривобоку (Запорожье).

ПРИСЛАННЫЕ СЛОВА:

С. Соловьеву (Москва), М. Яковлевскому (Саратов), Комсомолке (Ленинград), А. Поварову (Липецк), А. Вайденбергли (Владивосток), Л. Барышевой (Арзамас), А. Курилович (Рязань), Н. Понуко (без адр.), В. Осеци (Симферополь), Б. Воронову (Ленинград), Г. Селимкину (Рыбинск), Д. Позднякову, Ф. Оренбургскому, Е. Кривобоку (Запорожье).

Н. Понуко (без адр.).

В. Д. (Москва).

ОТВЕЧЕНО ПИСЬМАМИ:

Первый (Донбасс), А. С. Селевену (Ростов-на-Дону), А. Р. Арапову (Владикавказ), С. Куриловичу (Липецк), М. Афонину (Донбасс), М. Патопову (Лебедин), А. Сидорову (Курск), А. Гагалеву (станица Песка), А. Ланскиму (Д. П. Парисееву (Кронstadt), П. Ильину (Самара), Г. Грушевому, И. Орскому (Челябинск), Ф. Федорову (Владикавказ).

Весь комсомольский актив должен читать журнал
„ЮНЫЙ КОММУНИСТ“

2-хнедельный орган ЦК ВЛКСМ

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—старейший орган комсомола, существующий с 1918 г.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—политический теоретико-политический журнал комсомола.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—освещает все главнейшие вопросы политической, экономической и культурной жизни страны.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—под углом зрения ленинизма освещает все теоретические вопросы строительства социализма в один стране.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—помещает теоретические статьи по вопросам коммунистического движения молодежи.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—дает обобщающий материал о практике комсомольской работы.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—дает сведения о работе комсомольского отдела, в котором обсуждаются все спорные вопросы жизни и работы сожда.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—должен читать каждый активный работник сожда.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ—должна выписывать каждая ячейка комсомола.

Подпись на журнале «Юный Коммунист»
на 1927 г. ПОНИЖЕНА

1 мес.—65 к., 3 мес.—1 р. 90 к., 6 мес.—3 р. 70 к., 9 мес.—5 р. 60 к., 12 мес.—7 р. 20 к. Розница—35 к.

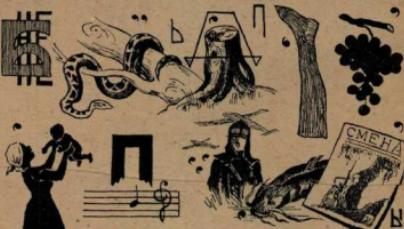
Приложения: Стенографический отчет всех съездов комсомола, кроме бого—6 р., Дискуссия в комсомоле—1 р. 30 к., «Каким должен быть коммунист»—3 к.

ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО:

В Москву: В Гл. Конторе Изд-ва «Молодая Гвардия», Новая площадь, д. 6 и через уполномоченных «Рабочей Газеты».

В провинции: Во всех отделениях Издательства «Молодая Гвардия», во всех отдел. центр. газет и во всех почтовых отделениях СССР.

РЕБУС

ХИЛЛО—Исповедь комсомольца Хватова. М. РОБЕРТС—Плотина Грира. (Перев.) ИЛОВ—У Сун-Ят-Сена на фронте. Прин. дон. И. Ш. МЕЛИК ПАШАЕВ—Аборт, его гениности. Б. ГРОМОВ—Два генера бокса. П. ПОЛАТИН—Город небоскребов.

СОВА. А. БРЕЯ. П. ВОЛУЦКОГО.

ЛИШЕ и др.

ЗА.

Отз. редактор П. КОЛЕСНИКОВ.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, улица Черкасского переулка, д. № 6/8 Тел. 1-89-13

Рукописи принимаются, написанные на машинке или чисто от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО МОЛОДЫХ ГЛАДИРЬ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 том.	4 руб.	10 коп.
• 6 мес. — 12 том.	2 руб.	15 коп.
• 3 мес. — 6 том.	1 руб.	15 коп.
• 1 мес. — 2 том.	50 коп.	15 коп.
Окончательный №		

Политску приносится Оглаша ПерIODИЧЕСКИХ
Изданий Из-за "Молодых Гладиев".

Москва, Новая площадь, д. № 6/8.

№ 24

1926 г.

НАСТИНО СЧАСТЬЕ

ДМ. СТОНОВ. Рис. А. БРЕЯ

Пять неповторимых дней и пять ночей пролежала Настя на жесткой скамье у Матрениши,—и тут-то впервые за всю свою двадцатипятилетнюю жизнь она познала сладкую прелест воспоминаний. Точно в вознаграждение за ужасную, не испытавшую до сих пор боль, судьбу поспала ей мысль—этого верного друга одиночек, запуганных душ.

Пять дней тому назад, когда, прощувствув близкий исход, она задами пропиралась к этой избе, ей казалось, что дальний путь как бы отделяет ее от прежней жизни. Сейчас должна наступить полоса мучительной, страшной и позорной. Тяжело, как кавалерист, она ставила ноги, с трудом волочила тело, каждый раз, когда спотыкалась, падала в рябинину, ее раздавало сознание, что вот уж началось, мучения наступили. Она перелезала через заборы, слыши огородами, глухими и темными. По высоким сорнякам гравам шелестел ветер, стоял от давно урангоенного картофеля обивавших ноги, как змеи. Порой Насте начинало чудиться, что небо слизнулось с землей и она летит в глубокий провал. Несколько раз она падала и тогда лежала в мокрой грязи дольше, чем следовало.

В избу она вошла иной, с перекошенным от боли лицом. Нижнюю губу она присускала так, что долго еще на подбородке видны были следы крупных, широко расставленных зубов. В глазах светилась хищная улыбка. Дышала она носом, от каждого вздоха колхмалось тело, высоко поднималась и опускался большущий, страшно водянистый живот. Она села на скамью—на ту самую скамью, на которой потом пролежала пять суток—and оглянулась. По темным деревенчатым стенам плыли черные полосы—это чуть раскачивалась лампадка под образом—единственное освещение. В избе пахло копотью, кислым хлебом и тем неопределенным запахом, который всегда стоит в старых крестьянских избах.

К болям она готовилась и, странно сказать, ждала ее. Матрениша успела приступить тую набитой соломой подушке, она хотела еще постелить старый кожух, но опоздала. Настя повалилась на скамью, зубами впилась в подушку—так, не ворочаясь, пролежала всю ночь. Над ней возилась, хлопотала Матренища, сквозь бред смыкала. Настя ее сощу: ты, девки, крики помогают, потому, вдруг, с необыкновенной яростью она увидела темный лик какого-то угодника, потом все провалилось в бездину, полетело, вместе со всем неслась куда-то Настя.

Она села на ту самую скамью, на которой потом пролежала пять суток

рапа губами, следила за собой—хорошо ли это делает? Наконец, ей удалось произнести одно слово, это ее обрадовало, она без конца, как манящ, принялась повторять его.

— Покажи, покажи, покажи, — шептала она сухими губами.—Покажи, покажи.

Матреница поняла.

— Инь, ты,—сказала она и покрутила головой.—Сила! Сейчас, милая, покажу, глядеть нечего.

Через мгновенье Настя увидала странно маленькую голову, усыпанную писк, угадала, как ребенок сунет ножками в грязных тряпках. Шевелящийся комочек по-

казался ей жалким, почему-то она почувствовала обиду. Невольно по ее щекам потекли слезы. Она отвернулась и, вновь напрягаясь, осторожно ворочая языком, сказала несколько раз:

— Убери, убери, убери.

Между делом говорила Матреница:

— Ты тут, девки, смотри, в случае чего—знать ничего не знаю. Ты тут, девки, не того, не души. Милиции враз и не узнает. Закопаша и домой. Дело обыкновенное.

В поддень собралась Матреница уходить. Перед уходом поднесла ребенка, достала Настину грудь, комочек принял.

Настя сплюнула, как из груди в летний рот струился молоко. И опять девушке стало обидно, она не могла глядеть, отвернулась, с закрытыми глазами пролежала все время, пока сосал ребёнок.

Днем уходила Матреница, хлонот у нее, старой, было много. В избе оставалась Настя, старалась не шевелиться, смотрела в потолок. В первый же день она отыскала на потолке темный кружок—от сущка, и уж не отводила глаз от пятна. Кружок то уменьшался, то увеличивался до неизвестных размеров, выпирал бренча, начинял кружиться—Настя слышала даже шум. И вот из непонятным образом, вдруг, никели воспоминания, они гитинам, новым рядом, по-дывались мысли.

Раньше все т

с нею, замыка

и желанием—

делаться с

свтвия. С

она никак

точно пр

вместо

дост

хм

ст

е

эт

ти

хру

Се

бы,

сомо

ичеса,

неузна,

рел неи

чес

ния, нежные, как розовые вечерние облака.

...Был обычный закат—и не было обычного заката. Пространство между небом и землей заполнилось прозрачной голубой пылью, солнечный шар лопнул, разорвался,—оттуда полилась алая масса, рассосалась по небу. Издали лес казался черным и густым. Иногда луч отделялся от других, пронизывал верхушки деревьев, дрожал и ломался. Под ногами и кругом в поле звенели кузнецики. Только и было всего—звон кузнецов, розовеющее небо, черный лес видели и редкие приносившие его плеща; когда она вдруг останавливалась, тогда и он останавливался. Сзади рождались звуки вечерней деревни, звуки ранней осени, от игры на гармони сюда долетали только басовые, стонущие ноты, зато ясно была слышна пастушеская труба, неказистое, печальное дудение.

«Я не хотела, он меня насилино потащил, я останавливала, он брал меня за руку»,—так потом, в бессонные ночи, с тяжелой злобой думала она. К парнина росла в ее душе неистость, от стыда горело лицо. В такие минуты она закрывала глаза, обнимала руками голову, раскачивалась,—на несколько мгновений ей удавалось забыться, повернуть, что ничего не было, приснится скверный сон. Теперь она ясно сознавала, что думать об этом не только не стыдно, но приятно и радостно. В ней самой родился и созрело желание, и если бы тогда это не случилось, она бы всю жизнь желала. В ней самой родились любовь, она—тела любви. Она недолго подумала, умытила и поцеловала занятие—его пальцы тогда лежали на

чести. И опять вернулись слова, блаженства, она произнесла:

хорошо!

«Все месяцы скрытной, дважды залезай ей сейчас чудесного приобретало иной чад запахала лицо и то ее тайна каждую ся, сделала ее

В редкие ми-
чбы все ухо-
дыки и раз-
вочки почув-
чилось,

один-

и-

и-

душно и тесно, закопченные стены давили на тело, в доме пахло кислым хлебом.

Последний—пятый—день, как на грех, Матреница провела дома. Насти хотела забыться—и не могла. Она ворочалась с боку на бок, пробовала закрывать глаза, уверяла себя, что спит. Но сон не шел, как не шли мечты. Старуха стучала ухватом, каждое ее движение отдавалось в голове Насти несказанным шумом. Часто плакал, захлебывался, мяукал ребенок. Тогда Насти, сама того не сознавая, начинала стонать, клала на голову подушку, лежала неподвижно. С ка-

К миске потянулась кошка... Насти проблема есть

бездли минутой она терпела спокойное блаженство, вялое состояние овладевало ею. Она подняла голову, помогла себе руками и села.

Косой дождь хлестал по окношу. Большая черная муха билась в невидимой падубине. Напротив сидела кошка со скорбным выражением глаз, бесцумно зевала, закрывала лапкой морду. Матреница на половину влезла в пень—из пени торчал один ее зал. Насти потянулась, осталась сидеть, тукая, безразличная тоска захлопала ее в свои лады.

Старуха поставила на стол миску со щами, горбком винз положила две ложки, несколько раз позвала Насти. Покачиваясь и тупо улыбаясь, Насти подошла к столу. Стараясь что-нибудь поесть, она долго глядела на старуху, потом в окношко, наконец, поняла—что от нее хотят. Не ощущая вкуса, она начала хлебать щи, механически опускала ложку, подносила ее к рту. Старуха давно очнула есть, к миске потянулась кошка, енико то показывала, то прятала розовый язык. Насти продолжала есть.

Скрипучий голос старухи отвлек ее, жиль не переставал; сплющим, напротив потоком по оконику струились зияющие полосы. За водяными полосами густеющими сумерками тонула деревня, где же желтели огоньки—жалике, негающие, одинокие.

Над каждым словом надо было—убрать его—думать, точно человеческие слова она слышала впервые. В избыло темно. Кошка тепло мурлыкала, сте показалось, что на дворе еще было сырько и пасмурно. Она поднялась,

оглянулась, дрогнула всем телом и все также, осияя безразличием, надсадную тоску, подошла к углу, где лежал ребенок. Он не шевелился, очевидно, спал. Не глядя, она прикрыла его голову своим платком, крепче завернула в трикотаж, прижала к груди, а ниже—к боку, и вышла из дома.

Серый туман стоял сплошными пленами,—его сгущала темнота. Мелкие, как пыль, капли висели в воздухе. Тонуло в тумане, под ногами чавкала грязь, где-то лаяла, надрывалась собака. Насти сделала несколько шагов, оглянулась—изба Матреницы моментально исчезла. Движения ее были легки и осторожны, точно глаза давно привыкли к туману. Боком она опушала теплого маленького тельца, только эта теплота руководила сейчас ею. Думать она была не в состоянии,—все помимо ее воли и сознания должно решиться само собой.

До своего села было четыре версты. Более краткая дорога шла огородами, дальняя—лесом. Она пошла к лесу.

Деревья вырастали в сознании, их еще не было видно. От тишины звенело в ушах, она казалась плотной, даже грязь придушило, как густое месиво, хлопала под пятками и меж пальцев ног. Сирый туман лез в ноздри, глаза, пронизывали тело. Вдруг над самой головой пронзительно закричала разбуженная птица, ее вопль мгновенно проглотил туман,—как ни прислушивалась Насти, отзвуков не было. Она захотела услышать свой голос, подняла крүглый рот к небу и несколько раз крикнула. Сухие листья шелохнулись на деревьях. Она ускользила.

В лесу было теплее, под свинцовыми небом чувствовалась густой сосновый на вес, на каждом шагу вкусно хрюкали прошлогодние иглы. Насти прислонилась к дереву, спиной опущаясь, как холодный, влажный мох прилипает к кофте. Рука устала, Насти ногой сгребла ветки и положила ребенка на землю. Ребенок не шевелился, только теплота говорила о его существовании.

Так, поджимая то одну, то другую ногу, стояла Насти. Тело ее стало, особенно холодно было цепью, она отдергала ее отечек, уставшей рукой, все ждала чего-то. Должно быть, с тех пор, как она вышла, утекло много времени, становилось холоднее. Холод наполнил ее на мысль о предстоящей работе. Она нащупала пяткой живой сверток, легко его tolкнула, прислушалась, вздохнула, оторвалась от дерева и, чуть приседая на каждом шагу, ногами пробуя плотность земли, начала отыскивать место. Как всегда перед долгой и трудной работой, она расправила, выпрямила плечи, потянула руку по руку, еще раз вздохнула и, удобнее устроившись на коленях, присязла за дело.

Сейчас она ровными движениями рыла землю, ногтями впивалась в холодную почву, отшвыривала полные горсти песка. Крепкие, как жилы, корни она пробовала разрывать руками, но когда ничего не выходило, ниже набегала, откусывала зубами, выплевывала попавший в рот песок. Земля пахла сыростью, хрустела на зубах, это не было неприятно.

Застывали ноги, делались тяжелыми, чужими—теми же ровными движениями. Насти растирала их, удобнее усаживала. Тишина ее не пугала, все же она хотела что-то услышать. Несколько раз она поднималась, осторожно шаркая ногами, находила ребенка, но к нему не нагибалась, грубо ступной отыскивала теплое, живое, мечтучее, и тотчас же опять возвращалась к работе.

Наконец, яма показалась достаточно глубокой. Насти спустила туда ноги и, быстро припрыгнувши, присвистала утаптанные землю. В яме было холодно. Насти все быстрее двигала ногами, точно хотела согреть этот земляной гроб.

— Ну вот,—шепнула она и несколько раз лискалась зубами. Она вылезла и, согнувшись, шагнула вперед, руками шарила по земле. Движения ее были страшно медленны. Найдя ребенка, она все еще стояла на коленях, опиралась руками о землю и, поворачиваясь всем телом, оглядывалась. Голова ребенка была прикрыта, Насти притронулась губами к щекам, уцепилась и моментально его отдернула.

На одну секунду ей показалось, что ребенок не дышит. Ею овладел страх, она быстро припала к его голове и услыхала легкое, как слабый запах, дыхание. Из впалого и твердого рта пахло чуть кислым, человечевым молоком. Все же она не успокоилась, языком потрогала едва намечавшиеся в темноте тонасии губы. Ребенок шевельнулся, губы его разомкнулись, тотчас же он деснами прижал к языкку, но не удержал и, дергаясь, подняв ножку, заплакал, дарясь и мяукая.

— Што ты, што ты,—успокаивающе точно ребенок ее понимал, сказала Насти.

Страх не покидал ее. Она села, подняла колени, ступнями оперлась в скользкие иглы, положила к себе ребенка. Неслушными руками она лодыжку груды, скоском начала ловить детский рот. Ребенок приник, сосал жадно, задыхаясь и захлебываясь. Она притронулась к маленькому тельцу лицом и только сейчас заметила, как дрожит ребенок. Он лишь изредка дергал ручками, растопыренные пальчики закоченели и скрючились. Ножки были холода, один он не шевелил, другая все еще была поднята, торчала у самой груди. Десны все слабее, все беспомощнее скимали, удерживали сосок.

— Што ты, што ты,—в ужасе повторила она, пугаясь своего голоса.

Она подняла юбку, укутала ходившее теплые, не это показалось недостаточным. Ребенок слабел с каждой минутой. Сердце Насти билось неровными, тяжелыми толчками, дышать было трудно—она открыла рот. И, совсем без участия ее воли и сознания, из рта вырвался одновременный, отчаянный крик.

Это заставило ее опомниться; глухое эхо лениво шевельнулось меж слов и где-то очень близко застрило в тумане. Она припала к детскому телу и языком начала отогревать его. Она спешала, делала это лихорадочно, перескакивала с места на место. Она лиизала каждый пальчик, усиленно дышала, ей начинало казаться, что языки ее слишком широковаты, беспокоят ребенка, тогда ее движения делались более легкими. Она поднимала голову, остановившиеся

глаза тупо всматривались в тьму, замерли в безумном предчувствии. Она прислушивалась к дыханию ребенка и тотчас же опять принималась его отогревать.

Самое ужасное заключалось в том, что ребенок все чаще выпускал сосок изо рта. Воображаемая струя молока связывала ребенка с Настией, с жизнью, как только он переставал сосать—связь эта прерывалась, страшные догадки заставляли шевелиться вспотевшие волосы на висках. Корчилась от боли, она руками сдавливала грудь, всячески ему помогала. Пугала тишина, она старалась ее заполнить, шептала:

— Дите... спокойся... спокойся... пей ты... пей... господи...

Ребенок вдруг заплакал, широко открыл глаза, они засветились в темноте холодным, стеклянным блеском. Насти прижала к голове житомир. Маленькое тельце было мокро, оно вливало в живот, успокаивалось. Сейчас спокойствие это не пугало. Всей кожей Насти ощущала теплоту, дыхание ребенка отдавалось в животе легкими толчками. Она оставила открытыми только глаза и носик. Вскоре ребенок совсем утих, Насти скричала, согнулась и затянула стариину колыбельную песню, которую слыхала в детстве:

А а а а а а
И все люди спят-ат-
И все зве-ери спя-ат-ат...

Она мерно раскачивалась, прислушивалась к своему голосу, он действовал на нее усиливающие, голова тяжелая, отвисла, слова замирали на губах, она громко всхрапывала, тотчас же, испуганная, просыпалась. Телотело ребенка опушкалась всем телом, вливала в нее спокойную радость. В полудреме она продолжала шептать слова несложной песни, они казались ей очень важными и значительными, они плели яркий образ сплюшного за бытия, невольно мысль текла дальше, губы шептали новые, только что рожденные слова:

И мое дите-о спи-и-ти-...
И ен б-у-йт здор-о-енек-ай
И ен б-у-йт си-мен-ек-ай
А а а а а а а а а а...

Холод усиливался, он, начиная, прогнал сон. Туман редел, отдался от земли, на земле влажной сединой блеснул иней. Предрассвенные звуки рождались в лесу. На западе одно за другим выпытывали деревья. Насти сидела спокойно, боясь шевелнуться. Ребенок выростал на ее коленях. Сначала стал виден огромный, неуклюжий массив ее тела, торчащие острым углом колени. Потом глаза стали различать новое существо, наметилось едва уловимое очертание детской головы, угадывались линии тела. Она напряженно всматривалась в эту горку, точно видела ее впервые. Вот ребенок шевельнулся головой. Она раздвинула тяжки и впервый раз за все эти, чащающие дни увидела лицо ребенка. Сквозь туман выступали большие ресницы, маленькая верхняя губа

бы нависла над нижней, совсем ее закрывала. Такие ресницы, такую губу и маленькие, как горошинки, ноздри Насти видела впервые. Горло сдавило, она закрыла глаза так, что в них блеснули искры...

— Родной,—шепнула она и припала к верхней губе.—Родной. Не спи. Спроси!

Ей захотелось выпрямиться. Она крепче прижала ребенка к голове груди и поднялась. Губы свою она все еще держала у детского рта. Ребенок чмокнул губами и сжал их совсем по-старушечки. Большие ресницы продолжали закрывать глаза.

— Родной,—повторила Насти, покрыв все лицо ребенка поцелуями.—Здоровьевой мой дитенок, миленькой.

На западе, там, где кончался лес, туман начал розоветь. Он был сейчас как дым, как дым, освещенный красным солнцем. Обновленные ночью краски оживали, выступали свежо и ярко. Насти шла навстречу восходящему солнцу, каждое движение поднимавшихся, расплюсывающих свои силы лучей усиливала ее радость.

Теперь жизнь по-иному, по-новому вставала в ее воображении. Пусть настаски, ругань, издевательства—пусты—она обрела счастье, покой, радость, любовь к ребенку—извечную любовь.

Насти идет навстречу восходящему солнцу, каждое движение поднимавшихся, расплюсывающих своим силы лучей усиливала ее радость

ИСПОВЕДЬ КОМСОМОЛЬЦА ХВАТОВА

и. РАХИЛЛО. Рис. С. ВОЛУЦКОГО

... Я, ребята, свихнулся

Прижавшись горячим лбом к стеклу, Хватов в ожидании глядел на улицу: в сумерках валил густой молодой снег; бледные огни столицы горели и не свели. Высокий красный дом напротив, похожий на стройный бронепоезд, освещенный пылающими окнами, гордо качался в снежном прибо.

Мыслей в голове не было: сперва ожидал, потом ожидание перешло в безразличие. Заседание бюро ячейки назначено в семь—уже семь. Все равно... Хотел было уйти домой, но дверь распахнулась, и вошел секретарь ячейки — Туманов, пришелся оставаться... Туманов бросил на стол портфель и, отрывая кашевар снег с ботинок, сказал:

— Ты уже здесь, Хватов... давно ждешь? Эти слова прошли мимо сознания, ответил машинально:

— Уже час,—и добавил: — начинайте скорей... мука...

Туманов посмотрел на бледное лицо Хватова, вешая кепку на гвоздь, сказал осторожно:

— А ты не торопись, сейчас соберутся — лекции только что кончатся.

Выташив из портфеля хлеб и колбасу, он предложил:

— Хочешь жрать, нажмай на колбаску!

— Не хочется... Ничего не хочется.

Дрожащими руками достал папироску и закурил. Голубой дым медленно поплыл по комнате.

Заскрипела дверь, и галдящий кучей ввалились ребята. Нина вытаскивала из-за ворота снег и взомущалась:

— Напихали снегу, барсы, за шею — ряды, что на одну напали. Погожаку вам после заседания, сплан!

Высокий парень, с красным, как у гуся, носом, заходотал взглivo:

— Полюбуй, попробуй — заморозим тебя и в анатомический музей отправим! Для науки хоть польза будет.

— Ишь, оппозицией занимается, против Цека лезет, — сказал Алешка Салазкин, стягивая с себя широкое, не по росту, пальто.

Нина оттопырила губы:

— Тоже Цека. Шпан — вузовская!

— Ну, довольно, ребята! — остановил секретарь. Фонари на улице горели тускло, Хватов смотрел на него и курил, курил. Кончилась папироса — прикурил вторую. К нему никто не обращался. Наверно уже знали. Что ж, пусть знают. Все равно... Тем лучше...

— Значит — нету? Ладно: слушаем заявление.

Хватов прижался к стеклу, весь на прягшийся, точно ожидал получить удар в спину. Сердце запрыгало, заскалько, кровь хлынула к голове; почувствовал, что краснеет. Стало тихо, слишком было, как кто-то, сидящий рядом за спиной, задумчиво сопел носом.

— Итак, слово предоставляется Туманову. Вали!

Сердце стало в груди. Вот оно... страшное. Поделиться — легче станет. Думал об этом гол...

Повернулся ко всем. На лбу свесился языкок намокший от запотевшего стекла чуб. Не спеша вытащил папиросу, чиркнул торопливо спичкой — затянулся. Глядел в пол, начал срывающимся от волнения голосом:

— С чего начать, не знаю. Все равно... Я, ребята, свихнулся... — машинал рукой, — да, погиб... Оторвалась от организации... Я мучалось, я хочу поделиться — судите... Все равно... раз погиб — туда и дорога мне, но... давно начальство, почти год укуч...

Весной я познакомился с ребятами из университета. Это были веселые ребята,

Она оказалась из чуждого мне класса...

и в первый же вечер они привлекли меня на творческую вечеринку. Там появилось вино. Я не пил раньше и курил мало, изредка даже, урывая часок от работы, занимался лыжами и футболом. Вино опьянило меня. Весну в человеке всегда рожда-

ются животные инстинкты: на вечеринке я встретил девушку, и мне тогда казалось, что без нее моя жизнь—не жизнь. Я разговаривал с нею—она оказалась из чужого для меня класса, дочерью профессора. Чтобы встретиться с нею, я подговорил ребят устроить вторую вечеринку. У меня на руках были профсоюзные деньги—из них я взял немного на расходы...

Рассосулив об этом много не стоит—через месяц я женился на ней и переехал к ним на квартиру. К этому времени я растирал уже все деньги... Активность моя в яичке не падала, и даже, чтобы заглушить какое-то неприятное чувство, я сидел больше принаел на работу: в то время я думал, что си есть возможность вернуться к честной работе, без самокопаний. Это была глубокая наивность—нужно рвать было бы сразу! Я покатился вниз. Поддержать меня никто не мог, я ушел из общества, потому что я сам скрывал старательно свою загнивающую душу. В яичке у меня было одно лицо—и товарищи относились ко мне попреками, правила, близко не сходясь; дома—другое: вино, музыка и бесшабашная компания золотой молодежи. Собственно, какая же она золотая молодежь?.. Приходили и комсомольцы, такие же, как и я... Другой моей жажды я сначала не понимал горячей ненависти, но, уступая ей, терпел. А после, в сравнительно небольшой срок, не зная отчего, я не стал замечать в них плохого, возможно, притрепляя или еще что другое. Я прощал им то, что носил в себе, а к этому времени я кое-что носил. Пьянки устраивались часто, напивались мы до потери сознания, тратили на это дело стипендии и в дымном окружении выли цыганницу. Моя самодисциплина надломилась, и я ко всему стал относиться спокойнее—вырабатывалась привычка.

Однажды под градинки мы, по общеснованию, сидели у меня и глотали водку. Жены привела новых личенок, а незнакомому человеку всегда хочется показать хорошее: они любили веселье—я им рассказал антисемитские анекдоты. В этот же вечер я закурил с одной: жена заметила и устроила мне скандал—я избил ее... После этой истории наши с ней отношения порвались. Несколько причин я не почевал дома, но пить продолжал. В это же самое время меня назначили руководителем политшколы на рабочей яичке. Работу я вел там не плохо, об этом говорят результат проверки, но я уже жил двойной жизнью. Это меня мучило! Очень часто, в моменты прояснений, я старалась найти выход из чертова круга, но спал ночами, думал, решал, но к вечеру решения тонули в вине. Воля ослабла. Я знаю, что в наши лета выковывается характер, и каждый прожитый день для нас—труд: мы должны следить за собой, воля должна быть напряжена.

После одной попойки, возбужденные, пошли к проституткам—это был первый случай в моей жизни. Мое психическое состояние и без того угнетенное сразу опустилось—тогда я, помню, написал заявление в яичку, но как раз раз езжались на каникулы и я решил отложить дело до осени. За лето, может, думал, исправлюсь как-нибудь и стану на дорогу. Все лето я работал. Все уехали, а меня, как вы знаете, оставили в летнем составе бюро.

— Я страдал, пробуя окунуться с головой в общественную жизнь и интересы, и узнал, что это меня не успокаивает и не захватывает! Пил я в это время мало.

— Меня выдвигали, как хорошего разового активиста, для передачи в партию. Но, товарищи, разве в развитии дела? Это пустяки, это наносно и доступное любому буржуа—дело складывалось хуже: я сгнил внутри! Теоретически я мог доказать, что социализм можно строить в одной стране, я мог положить на этих вешах любого оппонента на лопатки, но, оглядываясь по сторонам на окружающие меня пьяные рожи комсомольцев, я начинал сомневаться. Смена... Нет в этой смене боевой закалки, эта смена, с моей точки зрения, живет двойной жизнью! Странно, почему я этого не замечал раньше, полгода назад. Честность пролетария герзала меня, в партию я пока отказалась вступить, но меня переводили по актива.

— После ревизии у меня оказалась большая недочет в деньгах—мне поверили и простили. Я потерялся... Разве мог быть растратчиком тов. Хватов, рабочий, один из лучших в яичке комсомольцев?..

Почти бегом помчался он по гудящей улице...

— Сошло?.. нет, скажу, для меня не сошло — я стал еще хуже мучиться. Я путь не сошел с ума, с горы снова залпил и на-днях в пыльном состоянии хотел повеситься. Об этом думы и раньше зачесывались в моем мозгу. Где-то у меня осталась капелька воли, чтобы притти сюда и рассказать вам, своим товарищам, про мою тяжелую болезнь. Может она излечима—кто знает?.. Я не в силах больше носить маску здорового человека—мне по существу ложь не свойственна: я рассказал и мне гораздо стало легче.

— Как со мною поступят, не знаю! Чувствую: чем тяжелей будет наказание, тем радостней я его приму... Один, отравившийся, я погиб—мы нужны ваша помощь, помощь коллектива. Я постараюсь исправиться, как—еще и сам не знаю. Можно в армии уйти, я раньше служил, там дисциплина... Может, поможет? А если найдете ви нужным толкнуть падающего и выбросить меня из организации, что ж... Много погибают на стройке: упал кирпич на голову—и гибнут. Не помните тогда меня лихом...

У Хватова задрожали на ресницах слезы, он поднял на ребят глаза и, быстро опустив их, тяжело упал на скамью.

Зинка, пораженная, отглаголывалась. Многие застыли в нелепых позах. Аленка Салазкин усмехалась. Сзади робко зашептали.

— Есть вопросы?—спросил Туманов. И в повинившей тишине его слова показались странно-громкими.

— Записывайте вопросы на бумаге.

— Скажи, Хватов, жена тебе непривычала использовать своих интересов?— начальник Салазкин.

— Она просила у меня рекомендацию в комсомол, я не дал. Это послужило отчасти поводом к ссоре. Я, ребята, сейчас больше ничего не могу сказать, я уйду, мне плохо. Вы без меня... Сами...

Весь согнувшийся и сразу обмякший, Хватов всунул голову в шапку и, не попрощавшись, поспешно вышел из комнаты. Не успели даже удержать...

Сзади лишь заметили:

— В шею таких гнать...

Руки дрожали, и горло сдавливали спазмы—пуст... все равно... Спустился по лестнице и, пройдя двор, вывалился за ворота. Почти бегом помчался по гудящей улице, неся на спине быструю кучу снега.

ПЛОТИНА ГРИРА

М. РОБЕРТС, пер. с англ. П. ОХРИМЕНКО. Рис. П. СТАРОНОСОВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Печатаемый рассказ М. Роберта переносит читателя в своеобразную обстановку далекой Австралии. Основой его сюжета служат взаимоотношения богатых скотоводов, владельцев огромных простираций листов и стад, и небогатых добротных овцев. Головы...

Борьба за сохранение и увеличение своих богатств поражает невероятными противоз-

речия среди собственников и приводит к тем драматическим положениям, которые показаны в рассказе.

Несмотря на то, что автор «Плотина Грира» обнаруживает основных классовых противоречий, находящихся в собственности, он склонен решить вопрос осуждением одного и оправданием другого собственника, несмотря на это мы счи-

таем, что рассказ послужит нашему читателю интересной иллюстрацией, вскрывающей одну из сторон капиталистического общества.

Нашей молодежи, выросшей в обстановке революции, крайне необходимо обратить внимание на литературные произведения, обвещавшие жизнь стран, лежащих за рубежом Советской Республики.

Пыль была повсюду. Это был накаленный до бела мир пыли. Она лежала толстым слоем на дорогах, которые были заметны только благодаря изредка проезжающим телегам, она покрывала серый целиком всю огромную долину. Нигде не было видно ни травки, ни кусочка зелени; мертвые, сухие кустарники, совершенно обездвиженные овцами, серы пылью выделялись на танцующем от зноя горизонте. Семь месяцев и десять дней не было дождя, и если иногда падала скучная роса, то она испарялась, как только вставала на востоке огненное свирепое солнце. И даже в обиженном оградой саду ранчо «Варриба» не было ни малейшего признака зелени. Вода стала редкой драгоценностью, и с каждым днем северный ветер ² все больше и больше осушал естественные углубления в земле, наполнив водой.

Но несмотря на страшнейшую засуху, корни травы и ветки низкорослого кустарника содержали в себе достаточно питания для овец, бродивших по сожженным равнинам огромного ранчо; они страдали лишь от недостатка воды, а беззобальное небо, всегда ясное и страшное, дышавшее на них огнем, не подавало никаких надежд на дождь. Ветер австралийских тропиков дышал наподобие кузнецких мехов. Под его горячим дыханием таяла последняя надежда, и душой овладевало отчаяние.

«Я скоро сяду с ума», — подумал Вильсон, владелец ранча. И он решил немедленно отправить свою жену на юг. Он не хотел, чтобы она видела, как им овладевает отчаяние. Ему легче было лгать на бумаге, чем молча сносить ее жалобы и слезы. За прошлые годы Вильсон привык считать себя победителем в напряженной борьбе с природой, когда он, расчищая кустарник, отвоевал себе огромные пространства земли.

И вот теперь эта отвоеванная, ставшая его собственностью земля, привлекла на помощь солнце и северный ветер, и опять между ними и природой загорелась смертельная борьба. Когда он проходил по своим настбищам или скакал верхом на лошади, потрескивавшая земля превращалась в порошок, мелкий, как мука, и забивала ему нос и легкие. Редкие, низкорослые буровые деревья были покрыты красно-белым налетом. Пыль превращалась в грязь у него на губах, превращалась в грязь на лице, когда его лоб покрывалась потом при мысли о том, что скоро наступят дни, когда у него исчезнет последняя надежда.

— Сколько времени я могу еще продержаться? — спрашивал он самого себя.

¹ Форма на настбище. (Прим. переводчика).
² Действие происходит в Австралии, где север соответствует югу европейского континента. (Прим. переводчика).

И повсюду вокруг него поднимались стойбы густой пыли, когда беспокойные, сердитые овцы, которым пастухи выдавали воду по порции, напирали друг на друга, чтобы глотнуть еще хоть немного.

«После десяти лет упорного труда — вот какой результат!», — подумал Вильсон и рассмеялся. Но пастухи, слышавшие его смех, вздрогнули и нахмурили брови. Они знали, что он в течение многих лет работал, как раб, а теперь ему грозила гибель.

— Наш хозяин, как видно, скоро сойдет с ума, — сказал один из пастухов.

Вильсону казалось, что страшное, безграничное чувство жалости к овцам, тяжелым камнем навалилось на него. И действительно, его овцы выгодно отличались от овец других овцеводов, благодаря его необыкновенной заботе о них и его тщательному подбору. Он устроил для них огромные загоны, где они паслись, отбиваясь от хищников, разводил особенно сочные

и вильпуном опутанные сухим, надгребанным смеем и нервно засыпал в багаж и вперед перед своим пустынным домом.

— Наш хозяин скоро сойдет с ума, — опять сказал один из пастухов, сидевших в жаркий полдень под тенью хижин и наблюдавших за ним. Старый повар, морской бородяга с тусклыми глазами, выброшенный морем на берег Австралии и застрявший здесь, подумал, сказав:

— А я знал времена похуже... Погибли овцы, лошади, люди. О, это было что-то ужасное! Вебер, овцевод, разрезал себе бритвой горло от уха до уха...

— А как у тебя в загоне, Джим? — спросил Хилл, главный пастух ранчо «Варриба».

Молодой пастух сердито сплюнул.

— Овцы лежут одну грязь. Та вода, которая еще осталась, воинят овечьим потом. Вонь слышна за версту.

Черные и красные муравьи огромной массой копошились в хижине и вне ее. Мир насекомых рос и благодествовал.

Но люди, несмотря на их бронзовье лица, были бледны и жалки. Сосущие глаза они уныло глядели на зализнутую ослепительным светом раскаленную равнину.

— Я никогда не видел такого несчастья, — сказал один из пастухов.

— А другой овцевод застрился, — уничтожал повар с тусклыми глазами.

— Ну, довольно тебе, — сердито сказал Хилл, но старик все еще бормотал о том, что ему пришлось видеть в прошлом.

Вильсон продолжал шагать взад и вперед под палившими лучами солнца, совершенно не обращая внимания на жару.

Наконец он направился к пастухам, шагая по горячему песку, и, подойдя к хижине, стал в тени и оперся о стол, на котором висели седла пастухов. Пастухи казались удрученными и как бы пристыженными. Сидней Джим, всегда веселый и беспечный, смущаясь беспокойно заерзал на месте. А старый повар поковылял к себе на кухню и начал резать хлеб.

— А у тебя есть еще вода? — спросил Вильсон.

— Нету, сударь. Мои овцы лизали грязь сегодня утром, — сказал Джим. Вильсон нервно дернулся седла за бороду и надвинул на глаза выгоревшую от солнца щеку.

— Нужно было выкопать колодцы, — сказал Хилл.

— Да нужно было, нужно было, — мрачно пробуркал Вильсон, уходя от них.

— Знаешь, мой сын, — сказал Хилл обращаясь к Джиму, — мне вдруг пришла в голову одна мысль...

Не кончив фразы, он вскочил на ноги и бросился догонять Вильсона. Догнав,

Наш хозяин, как видно, скоро сойдет с ума, — сказал один из пастухов

он что-то долго и горячо говорил ему, пока тот не покачал головой и не скрылся у себя в доме, сильно хлопнув дверью.

— Он должен поговорить с Гриром, и если Грир позволит принять наших овец к речке, то мы еще можем спасти их, — сказал Хилл, вернувшись назад.

Ранчо «Варрибл» было расположено в стороне от реки, отделенное от нее узкой полоской земли Грира, протянувшейся на двадцать миль.

— Но они неизвестны друг другу, и Вильсон не такой человек, чтобы уступил первый, — заключил Хилл. — Мне жаль овец. Я поеду к Гриру сам.

Он взял седло и уздечку и направился к огороженному пастищем для лошадей, где не было ни клочка травы. Он вздуздал свою лошадь, которая стояла у порт и глядела на него жаждыми глазами, словно ожидала, что он поведет ее на другое пастище, где будет хороший корм.

Пробравшись сквозь густые заросли мелкого сосновка, Хилл направил лошадь на юг, держа путь к ранчу Грира. Он приехал туда на заходе солнца и попросил вызвать хозяина. Грир вышел на венец.

— А, это ты! — грубо бросил он Хиллу. — Что тебе надо?

Это был высокий, худой человек с холодным взглядом и тонкими губами. Как только он взглянул на Хилла, тот сразу понял, что просить Грира о чем бы то ни было от лица Вильсона, значит — подвергнуться оскорблению. И, несмотря на то, что Хилл проехал двадцать миль, чтобы поговорить, он сразу повернулся и направился к своей лошади.

— Я не имел вас больше года, — сказал он, останавливаясь к Гриру, — но теперь, увидев, я не пожалею, если мне никогда больше не придется видеть вас.

Он гордо вскочил на свою лошадь и повернулся обратно, оставил Гриру стоять, увидев, я не пожалею, если мне никогда больше не придется видеть вас.

«Какой я глупец», — думал Хилл, прибираясь среди песочных холмов. — Грир считает всю эту округу своей собственностью, а Вильсон взял да и занял кусок земли рядом с его ранчо. Он ему этого никогда не забудет.

Ночь спустилась на равнину, но горячий северный ветер не прекращался. Разогретенная земля все еще излучала жару; в глубоком крае небес звезды сверкали, как острые точки стали. Они словно вились вокруг Грира в сердце, когда он поднимал голову вверх и глядел на небо. Ибо оно не было более похоже на огромный купол, каким оно бывает всегда в это время года. Оно представляло собой ужасную бесформенную пустоту; это было какое-то безграничное, воздушное пространство, неумолимое, страшное; не-бесные светила, казалось, висели в воздухе, а за ними зияло все то же неизмеримое, черное воздушное пространство.

— Боже мой! — прошептал Хилл, и внезапно им овладел страх. Он хлестнул лошадь и пустил ее легким галопом, чтобы заглушить этот страх быстрой ездой. Небо пугало его; казалось, оно хотело поглотить его, и он всеми силами цеплялся за землю.

— Я скоро сам сойду с ума, — громко произнес он дрожащим голосом. Его голос резко нарушил ночную тишину, словно кто выстрелил из пистолета. Но вскоре он услыхал овечье блеянье, донесшееся издали. И затем раздался смех мопока¹, звавшего самку в ветвях деревьев, росших по руслу протекавшего здесь когда-то ручья. Хилл остановился.

— Никакого ручья тут нет, — сказал он про себя. — Это только его руслу, но

Довная, он чисто-то долго и горячо говорил Вильсону

с тех пор, как Грир поставил свою плотину, пятнадцать лет тому назад, вода редко попадала из речки в это высокое русло. Ах, если бы вода в речке поднялась и с рекой ринулась вниз. Но, нет, нет! Этого никогда не будет.

И в то время как он мечтал о воде, бурлящий по высокому руслу ручья, Вильсон у себя дома спал тяжелым сном. Ему тоже всю ночь снилась вода, реки, дождь; он вскакивал с кровати, смотрел в окно и кричал: «Дождь! или «Нэйн, обращаясь к жене, находившейся от него на расстоянии пятнадцати миль.

— О, боже мой! Мне опять приснилось, — бормотал он, приходя в себя. — Мне снился ливень; река прорвала плотину и со страшным шумом, ринулась в высокое русло ручья; земля в один час покрылась зеленью...

Он заснул опять и проснулся на рассвете, с легким чувством на душе. Этот счастливый сон дал отдых его телу и освободил его ум от напряженной заботы.

— У меня такое чувство, что где-то прошел дождь, — сказал он самому себе, — а если уж прошло где-нибудь, то скоро будет и нас.

— Не кажется ли тебе, что как-будто немного спала жара? — уж в полдень спросил он Хилла, хотя небо все еще казалось бронзовым, а солнце было раскалено до бела.

Птица,

Вечером того же дня как-то человек, ехавший из Коннобля в Кондеболин, сообщил Вильсону, что по слухам, в Форбсе прошел дождь. И другой человек, остановившийся переночевать на его ранчо, сказал, что он слышал на востоке раскаты грома...

— Не даром я видел во сне дождь! — воскликнул Вильсон. В речке теперь прибут воды...

Но он вдруг остановился, не окончив фразы. Какая польза ему от того, что в речке прибут воды, если эту воду отделяет от его ранча плотина Грира? На ее землю не попадет ни капли.

В этих местах, несмотря на безлюдность, всякая новость передается очень быстро. Говорили, что речка Лахлан, такая спокойная в Кондеболине, бушевала во всю в Форбсе; что она даже вышла из берегов и залита прыгающими извилистыми. Где-то прошел большой ливень с грозой, и вода в речке сразу поднялась.

Вильсон оседал лошадь и поехал в Форбс, чтобы тридцать миль, чтобы посмотреть речку, и когда он подъехал к речке, поросшей по берегам деревьями, он увидел, что она вздулась и шумно несла свои воды; в бурном потоке прыгали и кружились листья, сухие ветки и вырванные с корнем кустарники.

А небо над головой все еще дышало, как огромная раскаленная печь, солнце казалось огненным шаром. Но Вильсон, посылая проклятия солнцу, не мог оторвать глаз от прекрасной серой воды. Почему бы дождю не пройти на его ранчо? Теперь было бы еще не поздно. Он был бы спасен.

Возвращаясь домой, он увидел, что его овцы стояли стоянкой у изгороди, напирая на нее из всех сил, словно по ту сторону они чуяли воду. Ему стало жаль бедных животных, он открыл ворота и отдал им свою последнюю небольшую запас воду.

Ночью в тот же день Вильсон пришел к пастушней хижине, стоявшей у песчаной дюны, и вызвал Хилла.

На черном небе звезды сверкали, как бриллианты. Юпитер казался небольшой звездой и бросал слабые тени.

— Хилл, я хочу поговорить с тобой, — сказал Вильсон. — У нас, как видно, не будет дождя... Ты спал, Хилл? А я вот не могу спать. Ты слышишь, что я говорю?

— Слышишь, — мрачно пробурчал Хилл. — Ты говоришь, что этот ручей когда-то доходит до «Варрибл»? — спросил Вильсон.

— Да, так говорят, — сказал Хилл, кивая головой. — Но плотина Грира преградила ему путь.

— Он не имел никакого права ставить эту плотину, — воскликнул Вильсон с ширеющимся голосом. — Слушай, Хилл, я не могу спать! Я хочу съездить к плотине!

— И я с вами, — сказал Хилл. — Едем. Хороший ты старик, Хилл. Они поехали вместе в эту прекрасную ночь, которая казалась им такой ужасной, благодаря горячему, сухому ветру, дувшему с севера, словно из огненной печи.

Подъехав к длинной, низкой плотине, они привязали лошадей к буксовому де-

реву, а сами уселись на земле. Четверть часа они сидели молча, затем Вильсон сказал:

— Я не могу лишиться своего ранчо и своих овец после стольких лет тяжелого труда и борьбы. А эта плотина Грира погубит все. Тяжелый он человек, Хилл. С них не договоришься.

— Да,—мрачно сказал Хилл.—Он че-ловек подлый.

Вильсон, не спавший последние не-сколько ночей, прилег на землю и задремал. В высоких руслах ручья слабо шуршили сухие тростники. Листвы на деревьев потрескивали, а внизу на земле стояло не-прерывное гудение насекомых. Где-то вдали слышалась беспокойное блескание овец, присвивших воды. Глубокая тишина вдруг сменилась многоголосыми звуками, неотделимыми от земли. Лошади грызли удо-ли и били копытами о землю; одна из них заржала; ей сразу ответило отдаленное ржанье на ранчо Грира.

«Хотел бы я знать, на что теперь похожа Лахлан!»—подумал Хилл, вынимая трубку и закуривая. Пламя спички на одно мгновение затмило звездный свет, темнота вдруг ступила. Но вот спичка потухла, темнота рассеялась, и он ясно увидел каждое отдельное дерево, отдельный лист, отдельный тростник.

«Хотел бы знать...»
И вдруг до него донеслись звуки, которые ему были так знакомы. Он тронул Вильсона за плечо.

— Слушите, сударь? Что это?

Но она оба хорошо знали, что это было: овцы Грира шли к водопою со-всюю на запад.

— Те люди были правы,—сказал Вильсон. Повидимому, в речке сильно при-была вода.

Лошади беспокойно били копытами о землю. Воздух был наполнен многочисленными шорохами и звуками. Казалось, оживала вся природа. Мимо них по плотине проползла змея и, внезапно почувствовав близким браготов, быстро скользнула в сторону и скрылась в пустом стволе упавшего букаского дерева. Овцы на ранчо «Варриба», начиняли блескать все неспокойнее и нестопочнее: сперва отдельные голоса, потом десятки голосов и, наконец, целый хор жалобных криков до-несся до них.

— Я не могу слы-шать этого страшного крика,—сказал Вильсон.—Мне кажется, я скажу с ума.

Он положил голову на колени и закрыл уши руками. Но вдруг он вскочил, как ужаленный.

— Если вода под-нимется до самого бе-рега, я проломлю пло-тину, Хилл.

— Давно бы так!—с жаром сказал старый пастух.

— Сейчас же поз-жай домой и веди сюда ребят. Да не забудьте захватить лопаты!—продолжал Вильсон.—Я проломлю плотину. Если вода в речке под-нимется, я имею на это право.

Хилл быстро поскакал домой, а Вильсон продолжал сидеть неподвижно на плотине. Он опять вздрогнул и не заме-тил, как в дальнем конце речки, за изгибом, прокрасилась серая полоска воды, как змея, и поползла через край берега. Ночным хор усилился, вдали, на южной стороне, уловительно блескали овцы Грира, утолившие жажду. Овцы ранчо «Варриба», услыхав это блескание, всей массой двинулись из юга и вскоре все де-сять тысяч скакали полным галопом к воде. Но они вдруг остановились, сбившись кучей перед колючей проволокой, которой была обнесена плотина. Их блескание превратилось в странный рев. Вильсон инстинктивно проснулся и, проптину руку, кос-нулся воды.

И в это же время он услышал топот лошадиных копыт. Это возвращался Хилл вместе с другими пастухами.

— Слава Богу!—вскликнул он, глубоко обрадованный.

Но вдруг он вздрогнул: с юга до него тоже донесся топот копыт. Это ехали с ранчо Грира, и Вильсон прекрасно знал, что это значит.

— Я проломлю плотину, если бы даже мне пришлось убить его на месте!—вос-кликнул Вильсон. Ибо позади него стоял отгульщик рев его овец. Он видел, как овцы упорно лежали вперед и ранили себе морды колючей проволокой.

Три всадника выскочили вдруг из отдаленного кустарника.

— А, мы как раз во-время!—вос-кликнул Грир.—Я боялся, что мы опоздаем, но мы приехали во-время. Кто это там?

— Вильсон с ранчо «Варриба»,—крикнул Вильсон.—Грир, вы должны про-пустить воду через плотину.

Грир громко расхохотался.

— Для кого? Для того, кто явился сюда непрощенным и завладел куском земли, который по праву должен принадлежать мне? Да, ты у меня получишь воду. Можешь надеяться!

— Мои овцы погибают, Грир.

— А мои нет!—сказал Грир.—Уби-райся von с моей земли, чтобы ноги твои здесь не было.

И тогда Вильсон взмахнул лопатой и раскрошил череп Гриру.

Вильсон начал умолять его:

— Грир, я отдам тебе десятую часть своего «Стада», если ты пропустишь воду через плотину. Они подыхают от жажды. О, боже мой, послушай, как они воят, Грир! Я вытащил их...

Но Грир только грубо выругался.

— Я хочу, чтобы они все подошли, а ты чтоб убрался отсюда...

Страшный рев овец заглушил его сло-ва. А вода тихо поднималась, наполняя русло плотины благодатной серией влагой.

— Вода не твой!—внезапно вскричал Вильсон.—Ты не имел права ставить эту плотину! Ты не имел права морить моих овец.

— Тогда обратись к закону, ты, со-бака, и докажи, что я неправ,—проши-пел Грир.

Но в это время, несясь полным галопом, из кустарника вынырнул Хилл, за-ним—Джим и еще два пастуха. Все они были с лопатами в руках.

— Послушай,—опять обратился к Гри-ру Вильсон.—Нас пятеро против вас троих. Я должен иметь воду.

— Нет!—вскликнул Грир и, соскочив с лошади, поднялся на плотину, где стоял Вильсон.

— Убрайся von с моей земли!—крик-нул он.

Вильсон склонился на изгородь. По-зади него, по другой стороне изгороди, струились овцы. Их дыхание жгло ему руки.

— Неужели ты хочешь моего разоре-ния, Грир?—умолял Вильсон.—Что бы ты сказал, если бы я поступил так с тобой?

— Ты не можешь,—сказал Грир и расхохотался.—Речка у меня за спиной.

Хилл с лопатой в руке пробился впе-ред и подошел к Вильсону. Он коснулся его плеча, и тот, взял лопату, сразу вы-прыгнул.

— Неужели ты хочешь, чтобы они все подошли, Грир?—спросил Вильсон дрожащим голосом.

— А что мне до этого?

— Но для меня они дороже всего,—сказал Вильсон.—Грир, я скорее согла-сен повеситься, чем до-пустить, чтоб они по-дошли.

— Правда? Ну, так вешайся, ты, крыса!—реагировал Грир.

И тогда Вильсон взмахнул лопатой и раскрошил череп Гриру. Грир упал в реку, и его кровь окрасила серебристо-се-риющую воду, погубившую его.

А Вильсон с лопатой в руках бросился к плотине и, как безумный, начал копать.

Пастухи Грира бежали.

— За работу! Ко-пайте!—крикнул Виль-сон отступившему было Хиллу с его пастухами.—Грир получил свою воду, теперь я должен получить свою.

У СУН-ЯТ-СЕНА НА ФРОНТЕ

П. ГАВРИЛОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. 12-го ноября исполнилось 60 лет со дня рождения великого вождя китайской революции Сун-Ят-Сена. Родившийся в глухой деревушке Гуандунской провинции в бедной крестьянской семье, Сун-Ят-Сен кончил свою жизнь главою кантоńskiego правительства и глашакоманом, предводителем революционной армии Китая. Еще мальчиком Сун-Веня нечетательно пережевывал подавленные тайпинов, начиная же с 1895 г., молодой Сун, известность которого возрастает с каждым годом, уже сам руководит многочисленными восстаниями, неоднократно терпит поражения, неоднократно эмигрирует из пределов своей родины, работает над обединением сил оппозиции. Потом руководит кантонским революционным движением, переходит от дозунгов национального освобождения к практической борьбе за свободу Китая в конгрессе, организует свою собственную армию, с единой исправленной организацией революционных сил. Сун-Ят-Сен все тут отваженностью, которая падает на плечи молодой, еще недостаточно окрепшей партии Гонконгской, и принимает все меры к ее укреплению и приближению к ленинской коммунистической партии. Неудачный борец мужественно переживал общую выматывающую смертью илья последний приступ рабоче-крестьянской России, России Ленина. 12-го марта 1925 г. Сун-Ят-Сен не стало.

Пятого октября 1924 года русский крейсер "Воронеж", завершил шестимесячное плавание, истребивший вспышками огня китайской революционной армии и под реи и залпы салютов бросил якорь вблизи Кантонской пристани школы Ванму — первой китайской военной и военно-воздушной академии. Заarmor осталась немногие из ранее диктаторские страны: Англия, Италия, Египет, Аравия, Индия.

Суетный день, полны неизоднительности, вздыханья генералов, новая неизвестность страна утомила и замучила.

Стихия неподконтрольна кораблю видно, как колеблются на берегу бесконечные отблески какой-то религиозной церемонии. Тени боев ¹ опровергают плащи, мешают в них что-то. Это они же играют на тягучих своих волниках, звенят в трензелях и бесами кружаются вокруг костра. Звуки однотонные и резкие не дают покоя. Свадьба, бракосочетание.

Потухли огни на берегу, замолкли бомбы. У школы Ванму прогрохотал выстрел и заглох сразу в душном воздухе. Тишину нарушил шелеп из краснофлотских сапиков идетвой с москитами. Появился духота над солнечным крейсером. Тяжела была стоянка в Китае.

Но замы мы сойдем на сузу, завтра мы увидим Суна.

С расписных огромных дырок, вместе с курсантами Ванму, высыпалась в Кантоне. Чрез полчаса мы на вокзале у специального экспресса, в огромных красных плащах с китайскими иероглифами, с кухней посередине. Представители профсоюзов, желдор, охраны, кантонские краево-артиллеристы с зоркими маузерами и багажом, включая Альфреда Гончарова, вышли на платформу.

Преподнести подарки — снес свое знамя, Волнуются... волнуемся и мы. Не шутка — шингонг нам, комсомольцам, здесь, в центре революционного Китая, где на мостовых не отмались еще пятна от рабочей кроны, где еще стиснуты скульмы, еще теплы стволы изящных маузеров.

Две короткие оттенки речи, крепко прижимистые — ванзе — и руки соприкасаются под грохот артиллерии, под крики друзей и лягушек, экспресс проносится на стыках, понес нас к Суну. Охрана выставлена из окон блестящие рыльца маузеров, забегали бои, притоптывая занюх. Мы косились на них недоверчиво. Но на себе становилось, поднимались слезы в глазах. Чуть тошило, и все невольно вспоминали от запаха китайской кухни. Это при воспоми-

нитальных червяков под сомнительным "рыжиком" соусом. И все это глотали мужественно, крепко закусывая глаза, во славу китайской революции. За окнами поезда мелькают кипарисы, пагоды, грязные деревушки и разливное зеленое море риса, до смешного изысканное поклоните родные поля.

Становится. Грязная деревушка. По узким гловонимым уличкам по колено в грязи бродят худые, понурые тени. Здесь же, с беспомощными лицами, шелудивыми и болезненными, весятся спины. Испарение, разные, согбенные пугающие фигуры ласково кивают нам. Хмуро смотрят на эту непривычную картину. Матери, отдаленно напоминающие женщины, протягивают ребятишек, бормочут что-то.

Капитан Китай.

Здесь же на станции, великолепно вооруженные войска «бумажных тигров». Они злобно косятся на нас, погоженная приказка маузеров. Рядом каравальная плятка кантонцев.

— Почему не разорвет этих наезжих? Ведь враги? Чего же вы ждете? — засыпаем вопросами нашу охрану.

Первый раз в жизни я вижу, как скользят на склонах винтовато разъясняют.

Нельзя... так надо... Зависимость... Забастовка курищ... Но скоро, но скоро... Оне соглашь. Днями спустя, солдаты из Ванму сурово садились на расписные свои дыроки, с горностаевыми, как всегда, и с пудеметами на этом раз. Три дня

¹ Название войск купцов, которых под видом охраны товаров собирали большую армию, подняли восстание в 1925 г., подавленное курсантами Ванму.

СПРАВА — Красные патрули на реке Жемчужной в Кантоне.

СЛЕВА — Рикши-грузовозы, в глубине видны колески легковых рикши.

выпал квартал купцов, три дня пели пуги зловещую песнь, присущенную кашлям армии. Раз наследа пленники Сун с бумагами тиграми, беспощадной рукой схватили за горло заставляемых куцеров.

А поезд уже мчал нас дальше, с ревом прыгая в туннели, рискованно поворачивая во кривые изгибы. За окном открывались живые сочины; от них потянула пустыней волной. Кое-где селили солдат, поблескивая на солнце флагами, своими штыками. Близко, близко к Суну. С охраной завязалась крепкая дружба. Хорошо, сознательные ребята, дети, подрастающие на земле.

Вот и станция. Рисуя словом цвет, высываются из окон. Гремят встречу оркестр. Шпалерами ряды солдат-фронтовиков встречают нас. В горючие путем какого-то генерала с Суном. Прямо в лицо ему—наше радио, громко, физически. Он испуганно таращил глаза, спрашивая от меня: «Радостно, разве? забыл подать комендантам и солдаты сами берут на караул. Поплыли, смеялись друзья, все вместе—и солдаты, и генерал, и мы. Сун не дает нас в ставке. Торопимся выстроить палатки, спать, петь и писать письма. Кругом хватается за руки, расположенные на них воинами бараками. Солдаты высказывают, бросают в воздух фуржки, приглядывают, как дети. Но это фронт. Даадзят пять вечеров, даадзят пять поздних часов. И песни и ярики салюта вспыхивают. Равномерный тонот сотен ног, замедленные разговоры. Солдаты подогнивают крепче, прижимают к грудям, расправляют груды. Сквозь полуумгу замелькали огеньки ставки...

ВВЕРХУ.—ЦК партии Гоминдана встречает краснофлотцев в Кантоне.
ВНИЗУ.—Курсанты школы Ванни перед боевыми с «Бумажными тиграми»

Такие же скромные бараки, в входе 2 пальмы—одна из более высоких, другая—меньшая и изящная—стоят жены. У стены небольшая трибуна, сзади наши советской и гоминданской флагами, тесно переплетаясь. На юните—китайские вазы с белыми хризантемами, кругом прытые и земли скамьи. Вот и все. А здесь центр всех армий, здесь Сун отдает приказания, здесь делают деньги.

Мало искусенных китайских деревенок, в которых все пинкуют на выморок, осторожно и неуверенно садимся перед трибуной. Не раз попадали в никовое положение из-за своей беспечности.

Ну вот. Так и есть! Взошет рога солдата. Молчание искается пади скамейками. Сразу вдруг из низко кланяется в нашу сторону. Блызаки! Встаем, князямы тоже, как же иначе. Направо, налево, вперед, назад. Солдаты, генералы, полковники и, кстати ум, и оркестр, и самим себя. Наклоняясь, услыши, недоверчиво покосившись, кивнувши головами, склонивши, как изувеченные солдаты. Хмурились генералы, опершись на паланки, и мы, поправивши пророки—делегаты комсомола, сияя красными морковами. Мильты, странный, гостеприимный Китай!

Оромпиньши от струнительного рева барабанов. Легкими шагами на трибуну входит Сун-Я-Сен. С ним переводчики, его жена и дважды просланный дельфин—старши—командир. Вот он—отец китайской революции. Вождь и подводец. Ему—что пытается. Маленький рост, характерный сплющенность носа, череп, сияющие глаза, кисти, утомленный выражением Уэйки, прям, немого с хитрой газзой—один из бороды напоминают дорогой утаски изгладь.

Поднял руку, стало тихо, как в могиле. Шинели липы дуговые фонари да риквили однококо высгрела и издалека доносились притяжные сигналы. Солнце склонилось к земле. Прощальная волна от всего сердца, красные моржики делатели великой свободной страны. Проществующая волна вместе с армейской, с флотом, со всем китайским народом. Сегодня радостный день китайской революции, самый светлый день и моей жизни. Знаем мы, для яхт затона красный корабль пришел в наше счастье, привел он, как птица счастья, счастье в наше счастье. Этот момент этот день. Однажды делать долгих лет придется он за свободу, со всех сторон окруженный жаждыми империалистами, сигнализации китайской своями рабами. Ни одного слова поддерхко, ни одной попытки к помощи. Ванн визит—первый братская рука. Теперь мы знаем, что у нас

Всехи овадело одно настроение вот он, Сун—такой даленый вчера, сегодня стал блэзиком, нашим.

Впереди с генералами идем в столовую, такую же скромную и простую, как и учили—лимонад, фрукты, печенье. Теперь мы готовы были сесть еще сотни порченых чиц, ведра чайных чашек...

Живи, живи еще, Сун!

И вот напряжение и тревога порваны чаймом вакриком:

— Каним, брат, Сун!

Ринулся вперед, схватил и опять, как папа—изложил. Генералы, сидевшие с четырьмя пальми, замолкли оркестр. В дверь прокручулась встревоженная, бледная физиономия директора, забегала стражи. К чорту! Прости еще раз, Китай, за нарушение твоих церемоний, но Сун мы все же качим! Под самым потолком взлетел Сун. Разгорчавшись, лезем, живем, живем, живем же мы и не качнуть мену вонды? Перешли мы, как оваделий, жестинус перед нашими носа ми. Смущенные, мимо штанами маыхских брюк, чесались в затылках.

Все-таки Сун тронут подобным проявлением посторона. Глаза блеск, отблеск жарким огнем. Он горячо жаждет руки...

— Посторони, как это дается у нас в Китае,

Идем. На берег реки притихший в обятиях душной ночи, облегченный вздыхами, сопами, сонной жизнью. На притупленных таубуретах, прямо на земле ждем, чем удивит нас Сун. Мы-то его ошарашены по-рядочку. Но берегу странная башня, под кипой копошащихся ветвей, сияет, блескает, блещет, блестя что-то. Вдруг зеленым светильщиком замелькал огонек, пополз на башню. Секунда, и море огня всех цветов и оттенков, окрасило брови открытия, изогнувшись, засиявши лампадами и колеса. Сотни чудающих фигурок, брызгающих искрами, быстро крутились в одну сторону. Разрывались с трех сторон, сияя вспышки, изнутри других вспышки, скользя, кружася в обратную. С визом взыскались огромные ракеты, с джином хохотом рвались буруки.

Все это хутороманья машинально, автоматически, бездумно, бездумно, добротворчески выполнила план виртуоза. Она затихла в определенные промежутки, потом опять бензиномаска, бурдилка, цаца мириадами звезд. И глухо, глухо, глухо... Судо Сун—огонь и пламя. Часто потухало оно, но искры не пропадали — и из них опять разгоралась эта прекрасная, яркая, торжественная, новая, тяжелая, потерянной, новой, жизнь Суна...

Над нами дрожала тяжелая тропическая малярий и опасностями. Все также доносились от гор мелодии струн, горные горганища, комары, стук Сун бесконечной сони. Но пугаючи, будоража уютили его на покой. Перед пугающей обращается он к нам, ласково кивает головой. Молча смотрим, выдыхая улыбки. Тяжелая щинка потухающая башня, с реки тянуло гарло и сразу насторожилось. Долго не могли засыпать, горячее на голове, на спине, на животе, на боках. Долго вспыхивали в темноте затянутые оголики трубок, всегда тихая беседа о Суне, о Ленине, о Китае и еще о чем-то. Заснули с мыслями о застращенном нараде.

Солнце, остервеневшее, заливает нас раскаленным синицом. Огромные, выжженые лучами солнца ноли, правильный четырехугольник поиск. Здесь самые зерны дивизии, отбоязни из отважных. Желтые, зеленые, голубые потрясенные, порванные мундиры. Огромные желтые и синие боевые знамена в разноцветных лентах, прописанных Китая, в черных китайских буквах, пачкающиеся, простирающиеся. Гарниссты бросают,

есть искрение, верные друзья, неизменные союзники, и увидеться с ними, сомневаться в победе, теперь же увидеться с революцией, побеждой. Грохот антигоминданов, радионом крики.

— «Вы не только наши гости и друзья!» нам приходится учиться у вас творить революцию. На сцене великого Октября понял я ошибки нашей партии и учусь на них, и знаю, что только ко всем усилием рук и головы, придет приказом к воинам, как РКП. Я уверен, что только таким образом партия Гоминдана будет еще сильнее, еще велиока, как РКП. Я уверен, что только на уроках ленинизма Китай придет к победе революции.

Долго еще говорил старый вождь. Слова вспоминались пади из наших сердцах. Насредом, недаром мы в Китае.

Дрожал воздух от громовых пристрелений, когда кончили свою речь Сун. Выслушал нас и усталыми шагами сошел с трибуны. Сразу осунулся, пересел лицо, ятинулись плачи. Догородла большая, нужная козынь...²

² Эта встреча была почти за пять месяцев до смерти Сун-Я-Сена, когда он был уже уж тяжело болен.

в этой прятанные сигналы. Парад начался. С характерным жужжанием взлетает ядро и падает вниз, огибая землю, и вспыхивает Сун. Сопровождая душный воздух от тысячелетнего Валенса, Армия до безграничности любит своего носителя; это видно по лицам этих бывальных ребят, до их энтузиазму и радости. Прыгнувшись к желтым знаменам, горностаи играют встречу, рокочут барабаны. Ближе, ближе к нам, адораются с нами Сун. Четко, отрывистое «Здравств...». Оглушительный гул.

Огром на совесть. Заражаем этим всю армию. Несется к солнцу огненный могучий клич.

Мы на почетном месте, справа от трибуны, окружены охраной Суна—такой особый почет. Обход окончен и армия готовится к церемонии. Гремит оркестр; он такой же странный, как и все Коты. Хотя трубы начинены наять, хотя и прикреплены ноги на спину музыкантам и сами музыканты сосредоточились на них смотрят, но играют, что во что горяд.

Все заняты своим делом: музыкантами, яркой, войсковой, артистической поэзией. Стартует парад: проходит перед нами полки и полки. Ползут, поблескивая матовой сталью, тарахтащ пустеметами. Желтые знамена звукут к гряющим победам. Команда офицеров—гордая, заканчивающаяся резким птичьим писком. На маленьких смешных лошадках проползают китайская кавалерия. Они слабы, никак не годятся. Китайцы—плохие наездники, впрочем, в горной войне они и не нужны.

Наш черед. Ох, уж этот оркестр! Вспоминаем эпическое обучение. Океан научил насходить по-своему—правильству, по-утиному. Все же это не мешает нам, вспоминая океана, смеяться да и, четко дробя, плячу к плачу, проходим мимо трибун, броши и лицо Сун дружно ура от всего комсомольского сердца. Заметно, что Сун очень рад. Он смеется хорошо и намеревается соскочить с трибуны. Дивизии ожили и��ают головами.

— Шашто, шашто!

Проплы. Теперь больше смотреть на Суна, он опять обмык, посерел. Устало сел в папакин; что-то нечайное на склоне.

До конца парада проплыли нас. Жалкие знамена шумят на вспышки горевания. С искрением сожалением простились мы с китайцами. Поеzd ждал нас. Садимся и высаживаемся из окон. Проплыли, как старые друзья перед долгой, очень долгой разлукой.

Ох, уж эти трети звонки! Гремит оркестр отчаянным маршем. Армия берет на карапуз, вытирает пыль дебандира цветные ленты присущенных знамен. Лица серые, темные, что-то щекотет в глазах. Дернул поезд.

— Прощай, братва! Лунит Чжак-Цзо-Лина и хлоп в и гриву! Берегите нашего Суна.

Су... где же он, неслыханно ее пойдет? Нет, вот его маленькая короткая фигура. Терзальный, словно орел, с крыльями спасленными. Махнул плечом, что-то шепнул сухие хуки. Долго еще неслось уро из окон, ласточки извилились морские наинки ленточны. Поворот. Завыл пароход, прощаюсь со всеми сразу, но мы еще долго глядели за ним, как остался Сун. Не скоро ономились от нахлынувшей грусти.

— Спасибо за все, Прощай, Сун.

Крецер доложил, что края сна пачкали ход, вспомнил к южным берегам. За краем бури белой пыли. Далеко, далеко на горизонте пропадает она. Куда ни кинь взгляд, всегда славная морская родная даль. Чайки спиральными своими крюками купаются в залужном небе, догоняют нас. На гафеле трепещут почерневший от дыма, отблески океанскими ветрами красный флаг. Сигналщик взошел на мостик с флагами, зло ворчит под нос. Радуй бережно, как драгоценную вещь, ворочает штурвалом.

— Пашка, а Сун-то... наверное теперь... tutto...

Сигналщик злобно дергает за фал.

— Помалкивай, штурваличная душа, ведло ебе в бою... знаем сами.

На горизонте легкой серой дымкой вставала советская земля. Долго, призываю голосила сирена.

АБОРТ, ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ

Прив.-доцент Н. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ

Два института с незапамятных времен лежат в основе развития животного мира. Это— половое влечение и родительская любовь и забота о потомстве.

И если в животном мире половые взаимоотношения определяются одним лишь слепым инстинктом, в человеческом обществе духовные силы миллиардов невидимых интукций опутывают половое влечение, половым влечением и женским в плавниковых стадиях социально-экономического и хозяйственного развития.

Таким образом, к животному побуждению, склоняющему инстинкту полового влечения, присоединяется то, что мы называем любовью, окраинизующей интересы духовного влечения и общности стремлений голое половое вожделение. Правда, это не всегда одинаково, и в человеческом обществе взаимоотношения в животном мире налагают своеобразный отпечаток на половые взаимоотношения человека-честолюба.

А человечество в различные времена—от эпохи первобытного и до современного человека—стремилось издревле вести в известном русло размножение, подчинившись в животном мире одному инстинкту.

Первую, являемую социальной функцией женщины, является с тем таинственной биологической нагрузкой женского организма. И в самом деле, в вопросах деторождения роль музыки ограничивается лишь временным участием в акте, способствующем встрече мужской и женской половины клеток (сперматозоида и яйцеклетки) и в процессе передачи наследственных признаков родителей зародышем в оплодотворенной яйцеклетке будущему человеческому существу. И только.

Человека с половой жизнью до деторождения, отвечающего рождению ребенка осмыслило половое отношение.

И однако же, несмотря на это, повторные роды и беременность ложатся тяжелой нагрузкой на женщину.

И действительно, экономическая зависимость женщины от мужчины и ее беспартийность даже в интеллигентских семьях Запада и у нас в дохоктейской периодизации усилилась. И это несмотря на то, что при этом отсутствуют охраны прав женщины, охраны материства и малолетства, материальная необеспеченность семьи и, наконец, существование в общественном мнении в законодательстве этих народов и дореволюционной России понятия о «неконтакционных» детях сильно усложнило и привело к тому, что впереди лежала еще законная спасение общества в интересах своей половины, как наиболее угнетенной и страдающей, к контролю над деторождением, отграничение деторождения. Эти же причины обусловили широкое распространение абортов, как одного из средств контроля над деторождением. Эпидемия абортов охватила весь культурный мир и привнесла неслыханные до сего размеры.

Всего в мире, кроме Японии, Греции и Грузии одерживается 60 000 абортов, в Индии—80 000, в Германии—400 000, а в царской России в 1913 году—600 000 абортов. Если принять во внимание количество беременностей, то для России 1913 года мы получим отношение 1 к 10, а для Германии даже 1 к 5, т. е. один аборт приходится на 5 родов. По последним сведениям проф. Бумма количество женщин с абортами, ложащихся в Берлинские больницы и лечебные учреждения, превысило число рожениц. Что касается современной революционной России, то количество производимых абортов и сейчас стоит на довольно высоком уровне.

Каковы же причины, способствующие столь широкому распространению абортов? Одна из них в условиях нового быта, новых форм социальных отношений и полного уравнения женщин с мужчиной?

Прежде всего, это же неблагоприятные экономические условия, многочисленность, неблагоприятные жизненные условия, отсутствие (бедность, недостаток жилищности) и, наконец, желание женщины быть равноправным участником в общественной жизни.

Анкета д-ра Гельмана дает, правда, немногочисленный ответ на причины абортов и предупреждение беременности, то виды из вышеизложимой диаграммы.

Среди причин, встречающихся в акушерстве, можно найти следующие:

1. «Считаю себя беспомощной еще быть матерью. Матерь должна стать эта женщина, которая чувствует потребность иметь детей, а у меня таковой потребности не имеется и я не могла бы поэтому посыпать себе ребенку и воспитать его».

2. «Ребенок оторвал бы меня от общественной жизни, в которой я же не могу жить, я желаю родить человека, несмотря на недостаток материальной и нервной системы».

4. «Деторождение стесняет свободу и отверг от общественной работы».

Второе, что мы должны отметить, это значительный все же процент производимых абортов, несущих на себе, однако, ряд существенных отличий от абортов старого времени и не только по мотивам их производства, но и тем, что употребляются для этого различные методы и по технологии, некоторые из которых скопированы.

Так, прежде всего мероприятием Советской власти, в лице органов здравоохранения, производство абортов из нехирургических рук повивальных бабок и акушеров передано в руки врачей-специалистов; из темных, грязных, беспечных подвалов производство эпидемии, надлежит отнести к наружной операции—переведено в наружные оборудованные и обставленные лечеб-

Женщина же берет на себя всю тяжесть дальнейших забот по питанию и вынашиванию плода в течение девяти месяцев угройной жизни, по рождению, вскармливанию и воспитанию ребенка.

Беременность, роды, послеродовой период навязывают порой женскому организму гамму разнообразных недугов, портят ег и находит свое обособленное выражение на практике и психике женщины. Женщина всецело отдастся во власть новых переживаний и чувствований, исходящих от внутреннотела-развивающегося ребенка, который опутывает ее по груди и ногам, заслоняя внешний мир и концентрируя внимание на себе.

Вот почему беременность вообще, а частая беременность в особенности, является тяжелой нагрузкой для женщины, расстраивая здоровье мешая нормальному выполнению общественных обязанностей наравне с мужской.

Вот почему деторождение является тяжелой, связанным с яркими актами, доводящим к материальному страданию и невозможности чистых, неизвестных и порой даже непонятных мужчина. И, однако, необходимо признать, что эти страдания, эти муки, и эта тяжесть биологическая нагрузка уложили половую жизнь, осмыслили ее и создали материнство с его сложным и разнообразным миром ощущений, переживаний, радостей и страданий.

И на даром в одной из анкет, проведенной в 1922 г. д-ром Гельманом, одна студентка Свердловского университета, испытывавшая отвра-

ные учреждения, вследствие чего значительная часть из года рожениц получала % несвоевременных гуашей и неудавшихся преродочных абортов. Вместе с тем, понижалась % числа абортов в лечебных учреждениях с уходом народной беременности (неудачные аборты барабаны). И, наконец, самое главное, что снизилась % числа преродочных абортов в советских лечебных учреждениях, не запрещено указом при наличии медицинских показаний (наследственные болезни: синилья, туберкулез, недоразвития наследственности; алого-пигментные душевные болезни, аномалии конституции; первый раз и проч.), и других важных обстоятельств.

С другой стороны, мы не можем закрывать глаза, не можем не признать, что неуменьшающееся количество ежегодно производимых абортов представляет несомненную угрозу приросту населения.

Мы не можем не признать, что и в настоящее время имеется ряд случаев с тяжелым, порой даже смертельный исходом, особенно в деревнях, мало обеспеченных надлежащими медицинскими персоналом и соответствующим оборудованием лечебными учреждениями. Но, однако, если даже исключить тяжелые, со смертельным исходом, случаи абортов, мы должны признать, что, в абсолютном большинстве случаев опыта специалиста в надлежащих условиях образованного лечебного учреждения, чреват по следствиями, ибо никто и никогда не может заранее поручиться за исход операции, отражающейся и местно на половых органах и на всем организме женщины.

Не даром известный ленинградский гинеколог Окинкин говорит, что он с более легким сердцем приступает к самой сложной операции — к спасению жизни матери, чем к операции на склонении или аборту. Вот почему легко-малышиный взгляд на операции врача должен быть оставлен. И в самом деле, в 15% мы имеем дело с гибелью матери при аборте, в 3% — с смертью новорожденного, в 50% — с осложнениями, которые могут иметься, те или иные, порой неизлечимые, последствия абортов и только в 32% — операции проходят сравнительно легко и без последствий. Однако, когда говорят о том, что за первым случившимся абортом наступает еще более тяжелый, то вряд ли это для здоровья.

Так, почти во всех случаях даже легких и нормально протекающих абортов, мы имеем ряд неизбежных последствий, связанных с большой или меньшей потерей крови (макроврекция, спастоз), нарушением гемостаза (геморрагия), нарушением нормального развития и функционирования матки, особенно ее эпизиотической поверхности, что при часто повторяющихся случаях приводит к бесплодию (бесплодие женщин). Еще грознее и тяжелее последствия неудачных абортов, abortion сломленных руками неопытных шарлатанов, невежественных бабок в ужасающих антисанитарных условиях. Это—пропагандистские изображения, распространенные в массовой пропаганде, в печати, на постерах, на удаленных частях плаката юного звена и пионерской и обиходной гигиеной, перед смертельным заражением всего организма и, наконец, наиболее часто встречающейся формой—то перфорация (пробоедение) матки с последующим воспалением бронхиев, кончивающимся обычно смертельным исходом.

Все это должно подчеркнуть всю важность и значимость проблемы абортов, которые в этом образе не может быть преувеличено, даже выход из этого тяжелого сращения обстоятельств, в которых часто попадает женщина при внезапной и против желания наступающей случайной беременности. Единственно, что можно утверждать безошибочно, это то, что никогда не было вызвана и обусловлена, чтобы она была вызвана и обусловлена, чтобы она стала причиной беременности. Вот почему предупреждение беременности, как мера борьбы с абортами, издавна занимает умы врачей и специалистов. Единственный недостаток, выдвигаемый противниками легализации предупреждительных мер против беременности. Однако, этот недостаток не может считаться наименее достаточным для того, чтобы отнестись к нему с опасением и злобой, проблема предупреждения беременности по тем же самым motivoам, почему мы не откажемся от употребления огня только потому, что он может вызвать пожар, или пожар, которым

многого можно убить.

И в самом деле, признав материальство и деторождение не только биологической обязанностью, но и важной социальной функцией женщины, раскрепощенной от векового рабства и угнетения, мы не вправе требовать от женщины, чтобы она превратилась в «родовую» машину. Мы не вправе лишать женщину (при наличии рода

и социальных экономических факторов, о которых мы говорили несколько выше, то есть о том, что женщина (как производитель труда) права на отказ от захода из биологической трагедии. Важнейшей подсказке является однозначно и против желания наступившей беременности в различном рода предупреждении против зачатия средствами.

К несчастью, все до сего времени известные средства не могут быть широко рекомендованы и применены, так как не всегда достигают желаемой цели, так как большинство этих средств далеко не безвредны для организма, так как эти средства мало доступны для широкого распространения по цене и по тем, порой, трудностям, которыми сопряжено их употребление.

И если мы примем за непреложенный факт положение, по которому половой акт является сложным физико-психическим процессом, в котором мужчины и женщины активны и который опровергается благородным воздействием на организм, то, наоборот, в нормальном, здоровом состоянии, чтобы не было ошибки, необходимо признать, что первые, предупреждающие зачатие, должны быть доступны в любой момент жизни. Активные, они не должны влиять на природу полового акта и должны быть неизменными и неодушевленными как для мужчин, так и для женщин.

настолько, чтобы удовлетворять трем следующим требованиям: 1) сделать яйцо неспособным к оплодотворению; 2) устраниТЬ возможность встречи яйца со сперматозоидом и, наконец, 3) обезвредить семя и сделать сперматозоидов неспособными к активным движениям и способности к оплодотворению.

Все виды мероприятий по предупреждению беременности могут быть разбиты на три группы: 1) способы предупреждения зачатия без применения химических веществ или приборов, 2) способы предупреждения беременности с применением химических веществ или особых приборов, 3) способы, радикально предупреждающие беременность и делающие женщину бесплодной (и на всегда, и, наконец, 4) биологических способов предупреждения беременности.

Все эти средства, мановидны, далеко не первенцы «искусства». И однако же целый ряд фармакологических, так и социально-экономических дают нам основание в отдельных случаях рекомендовать применение тех или других предупреждающих зачатие средств, которые, если не на все 100%, то в большей или меньшей степени вероятна при аккуратном применении (по советам врачей консультативно-диагностических центров) могут застраховать женщину известный период от зачатия.

С другой стороны, мы являемся свидетелями величайших зановоинов наук, которые должны несомненно смыгнить, но редко с марами и вспышками, характерными для биологической и социальной трансформации жизни.

Правда, путем только еще запутывающегося, гарада, реальных и притом абсолютно поддаваемых результатов наука пока еще не добилась, но нет правильный подход и правильный критерий, который взят русскими и иностранными членами в поисках этого биологического спло-

тебя, дает над уверенностью, что разрешение этой глобальной социальной проблемы не за горами.

Наибольшее внимание заслуживают био-технические способы предупреждения беременности и ограничения ее продолжительности (вакцинации против гонореи и сифилиса), благодаря которой самой в некоторое время являются невосприимчивыми к оплодотворению, тоже так же, как иммунизированный тем или другим ядом, человек или животное становится невосприимчивым к той или другой болезни.

Честь открытия указанного биологического способа предупреждения беременности почти целиком принадлежит нашему соотечественнику М. П. Тушинову; при этом необходимо подчеркнуть, что ягоды европейских и американских видах этот интересный способ разрабатываются и экспериментально проверяется на животных.

Принципы, на которых основана возможность получения временной стерилизации (негородимости) у млекопитающих (человека),

Для получения указанных сывороток в кровь животных вводятся в известном количестве сперматозоиды, которые при введении в кровь, рассматриваются организмом, как обычные посторонние тела и яды; при этом организм старается защититься от них обычным путем, путем образования в крови особых противотел (антител), способных изготавливать особых сывороток.

токсины), которые действуют на сперматозоидов убивающим образом.

При этом и притом многократно повторяется, что введение кровяных препаратов животного происхождения (в том числе и женщины)енных сперматозоидов получается наследование организма антибиотиками; другие способы иммунопрививки против беременности и на некоторое более или менее продолжительное время становятся неисправимыми при оплодотворении. На основании полученных результатов, Тушиновы и другие экспериментаторы приговариваются к методам, подразумевающим от беременности, а также вынуждающим ее прекращение. В частности, введение иммуноглобулина, значительно уменьшают и облегчают практическое применение этого способа, делающего саму временную стерильность (невосприимчивость к оплодотворению) на любой, желаемый срок, для чего требуется генерическое (через несколько месяцев) повторение иммунизации, ибо временем способность к зачатию снова восстанавливается.

Достоинства описанного способа увеличиваются еще и тем, как это подтверждается наблюдениями, что во все время невосприимчивости к оплодотворению половой жизнью самок не обнаруживалась никаких уклонений от нормы. При прекращении иммунизации способность к зачатию снова восстановлялась, и притом в форме, не представлявшей уклонений от нормы. Тем не менее, однако, и это, для окончательного

разрешении этого вопроса нужны тщательные многократные опыты и наблюдения. Другой, но менее интересный и многообещающий способ биологического предупреждения беременности основан на изучении внутриутробного действия на организм яичников, являющихся не только железами, выделяющими женский половой продукт (яйцеклетку), обладающими свойствами желез с внутренней секрецией.

Под именем желез с внутренней секрецией, отличие от истинных желез, обладающих выработкой протоками выделяющими свою секрецию в артерии или вену (над-, слюнные железы), мы разумеем группу желез, распространенных по всему проекционному полюсу тела, не имеющих видимых протоков и свою секрецию издавливающих непосредственно в кровеносные сосуды, благодаря чему секрет их выделяется через кровь весь организм. Таковы щитовидная, щипцы, поджелудочная железы, придаток мозга, надпочечник и др.

Пот-это выражение пальмогиги находит

Под их влиянием и непосредственным воздействием протекает все развитие физических и даже психических свойств организма, физиологические явления роста, подовой дифференцировки,—словом все процессы, связанные с проприальным развитием и функционированием всего организма.

Давно было известно, что жалы тела яицников, образующиеся на месте лопнувшего Граафова пузырька, яицеклетка которого оплодотворена, т.-е. жалы тела беременности (называемые так в отличии от жалых тел мезонеуциональных) своим секретом (гормоном) тормозят появление созревания и лопания Граафовых пузырьков, из-за которой немыслимо зачатие. Этим свойством жалых тел яицников беременных животных решили воспользоваться ученые для получения временного бесплодия у женщин. С указанной целью неблагодарным самкам

брови полости, или, еще проще, в машины передкосячи янички, взятые от берендейских самок того же вида, содержание спонгиозных тела. Когда, через некоторое время, лягушка привыкла на месте и своим секретом обезвредила яичники, весь организм, особенно яичники, породил сильную, но неизвестную организму, можно было наблюдать наступление временного бесплодия самок на почве прекращения гуляния, т. е. созревания яицеклеток, то устранило возможность зачатия.

Неудобство этого способа заключается в необходимости повторных пересадок яичников, бременных животных, ибо желтые тела обладают типом временной функции (периодические же-лезы), а также и тем, что по прекращении действия гормонов «беременного» яичника, животные при покрытии рожали колossalное количество, что научно можно объяснить тем, что под влиянием желтых тел беременности тормозится соответственно не созревание, а лопание

Графовых пузырьков.
Таковы пока что еще скромные результаты
тех исследований, которые подчас ощущают делает
наука в поисках биологических способов пред-
упреждения беременности.

ПРЕЗИДЕНТ КУЛИДЖ

МИХ. ЛЕВИДОВ.

О президенте Кулидже известны два факта. Это, так сказать, основные факты его биографии, те факты, которые определяют его характер, весь склад его личности, всю его духовную физиономию.

Первый факт—это то, что президент Кулидж—самый молчаливый американец. Второй факт—это то, что Кулидж—это самый болтливый в истории Соединенных Штатов президент.

Первый факт не нуждается в доказательстве и подтверждении, да и как его подтвердить. Этот факт и так известен каждому в Америке; прекрасно увязан этот факт с внешним обликом Кулиджа: Кулидж—маленький, сухой человек, с длинным сухим невыразительным лицом, лицом, лишенным каких бы то ни было переживаний, свободным от чувств. Кулидж скромен,—нельзя не быть скромным, обладая такой скромной внешностью. Кулидж осторожен, он почти робок. Таков президент должен быть молчалив.

О нем рассказывают характеристерный анекдот. Когда он еще был вице-президентом, на годовом приеме представителей высшего общества он разговаривал с одной леди и вдруг его узкие сухие губы сплюзнулись в какие-то складки, которые можно было принять при известной доле воображения за улыбку. Дама кончила разговор и ушла. К ней подошла другая: «Скажите мне, что вы сказали ему, я запомни это и повторю ему на следующем приеме через год; я думаю, он слова будет смеяться».

А Кулидж на самом деле не смеется; в его умственном хозяйстве нет места для юмора.

Итак, Кулидж молчалив, каждый американец об этом факте знает так же точно и определенно, как он знает, что Америка—самая богатая страна на свете.

Но второй факт не уступает перед первым...

Кулидж—самый говорливый президент. Это противоречит всем представлениям о нем, его фигуре, его лице, психологическому его облику, но это подтверждается доказательствами, слишком объективными для того, чтобы можно было пройти мимо них; об этом говорят, громко кричат цифры, просто цифры его публичных речей в качестве президента. Вот эти цифры, собранные одним изнаследовавшим американским журналистом. В 1925 г. количество публичных речей, произнесенных Кулиджем, достигло 28-ми. Между тем оказывается, что знаменитый Вильсон, считавшийся первоначально блатаром,—да и на самом деле он был таковым,—в течение первого года своего президентства произнес всего лишь тридцатидве речи и в остальные годы немногим больше.

Но это только публичные выступления, а кроме того считано, что в 1925 году Кулидж сделал 61 официальное публичное заявление и 176 неофициальных публичных заявлений—всего, таким образом, 265 выступлений за год. Но то, что, быть эти речи, выступления и заявления были короткими. Они не красноречивы, эти вероны, но они совсем не коротки.

Но кому и о чем говорит президент? Кто эти 265 аудиторий, выслушавших в течение года его слова?

Америка, как известно,—страна национальностей, и в течение года Кулидж об-

ращался с речами к представителям германской, норвежской, шведской, ирландской, итальянской национальностям и даже к неграм.

В Америке есть многочисленные религиозные школы; и Кулидж обращался с речами к евреям, католикам, к пресвитерианам, к баптистам, представителям епископальной церкви.

Америка—страна деловых людей. Речи Кулиджа были адресованы представителям автомобильной промышленности, строительной промышленности, ассоциации банкиров, страховых деятелей, кинематографистов, к обединению издателей газет, к представителям стальной промышленности, к представителям горной промышленности, и, наконец, к фермерам.

Америка—страна спорта, и президент Кулидж обращается с речами к национальным лигам футбольных клубов по случаю ее пятидесятилетия и к другим подобного рода организациям, в подобных торжественных случаях.

Америка—страна семейных устоев и традиций, и президент Кулидж официально

поздравляет миссис и мистера Беклей (достаточно обеспеченных людей) с семидесятилетием их свадьбы, а также и миссис Покс (она—богатая старушка) с достижением ею 105-летнего возраста. Само собой разумеется, что Кулидж поздравил также японского мисида с его серебряной свадьбой и болгарского короля Бориса со вступлением его в возраст 31 года.

Какой любезный дядюшка, этот Кулидж!

Но благодарная Америка не забывает классического мира о молчаливости своего президента. 265 речей, выступлений, поздравлений, длинных, тягучих и сухих, как высушенный сахар, как физиономия Кулиджа,—ничего. Кулидж—все же молчаливый президент. Отсюда взялся этот миф, как он существует?

Характерный для Кулиджа историй можно отвечать на этот вопрос. Это было больше года тому назад, в июле 1925 г., когда в промышленных и рабочих кругах Америки шли толки о предстоящей всеамериканской угольной забастовке. Однако, до забастовки было далеко, ходили лишь неопределенные слухи, и общественное мнение склонно было мыслить, что до решительных выступлений дело не дойдет. Но Кулидж уже тогда был на посту. Он официально заявил, что немедленно возьмется за дело для предотвращения забастовки. Фраза немногословная, но энергичная, подобающая молчаливому человеку. В конце июля возможность забастовки значительно приблизилась и снова последовало заявление Кулиджа, но не на ту тему, что он забастовку предотвратит. Это новое заявление гласило лишь, что президент «изучает положение и разрабатывает программу действий, в случае, если забастовка произойдет». В начале августа положение еще более обострилось и президент опять сообщает нации о своих намерениях. На этот раз он не только не намерен предотвратить забастовку, но, оказывается, и не вырабатывает плана действий. Он просто заявляет, что не будет действовать, пока забастовка не станет фактом. И наконец, в конце августа, когда забастовка уже становилась фактом, Кулидж снова торжественно объявляет, что он «готовится».

Забастовка началась, и Кулидж молчит, молчит, как молчаливый человек, и лишь после того, как забастовка длилась несколько месяцев, в течение которых Кулидж молчал, лишь накануне того, как забастовка была сломлена об единственными силами власти и капитала, лишь тогда Кулидж заявляет, что он ждет «обострения положения для того, чтобы вмешаться». О чем рассказывает эта история? Конечно, лишь о том, что заявления, делаемые Кулиджен в важных случаях жизни нации, которую он представляет, что заявления эти могли бы не быть сделанными. Молчаливым человеком оказывается не только тот, кто молчит, но и тот, слово которого могли бы не быть произнесены.

За мифом о молчаливости скрывается и некая реальность. Еще 2-3 примера молчаливой болтливости Кулиджа и мы увидим какова эта реальность. Совершенно естественно, что когда состоялось в Ва-

шингтоне общенациональная конференция представителей молочных хозяйств, эту конференцию приветствовал президент Куллидж. И никого не удивило, что приветствовал он эту конференцию сильной речью, но точно так же не удивил он американскую публику, начинавшую разгадывать своего Куллида, что стержнем этой речи были изречения, вроде: «Корова—полезное животное», «Молоко—хорошая пища», «Благодаря тому, что в городах ныне живет большое количество людей, молочное хозяйство является очень важной отраслью хозяйства».

Эти бессмертные истины могли уходить лишь из уст «подлинно молочного человека».

Трудно себе представить, что Ллойд Джордж, Брайан, Вильсон или какой бы то ни было государственный деятель нашел бы в себе смелость деликатно с многочисленной аудиторией такими драгоценными видами своего жизненного опыта, имея в виду, что эти перлы будут переданы по телеграфу, во все концы мира. Но у молочного президента хватает смелости в своих речах доводить до сведения всего мира, что «прогулка является идеальным средством физического упражнения», и что из окон «Белого Дома» (его резиденции в Вашингтоне) открывается прекрасный вид и т. д.

Из подобных же перлов состоит также приводимые беседы Куллида на международные темы. В Вашингтоне существует институт международной экономики, который в последние времена занимался вопросом о том, может ли Германия выплатить reparations по Версальскому договору. Один из директоров этого института получил аудиенцию у Куллида, и президент его спросил—каково его мнение насчет платежеспособности Германии?

— Это зависит от многих условий,— сказал директор.

Каким образом? — удивился Куллидж, — я полагаю, что обязательство платить reparations является для Германии абсолютным.

— Это зависит от того,—пояснил директор,— обладает ли Германия обширным торговым балансом и будет ли ей позволено выплачивать reparations вывозимыми ею товарами.

Как,—вздохнула Куллидж,— условия договора требуют платежа в золоте. Я не вижу, какое отношение имеет активный торговый баланс к платежу золотом.

Директор очевидно понял, что он имеет дело с «молчаливыми» человеком, и объяснил, что в Германии нет золота, что она не может получить золота, если не будет вывозить своих товаров, и что вообще международные долги выплачиваются не золотом, и что золото является лишь условной мерой ценности.

Куллидж очень заинтересовался этими объяснениями, безусловно очень ценных, с точки зрения подростка, обучающегося азам политической экономии, позвал стениграфа и попросил директора еще раз повторить все эти объяснения, дабы стениграф мог все это записать.

И последний, совсем свежий пример. В своей речи, в ноябре 1926 г., в Коннектикуте Сити, касаясь вопроса о роли Америки в войне, молчаливый президент заявил: «Я твердо убежден, что надежды на мировой прогресс могут быть связаны скопей с нацией разбогатевшей, нежели с нацией, которая находится в состоянии хронической бедности. Честная бедность—это одно дело, но отсутствие прилежания и характера в нации—это другое дело».

После этого замечательного философского изречения, Куллидж установил тот интересный факт, что Америка отнюдь не обогатилась благодаря войне, она, наоборот, потеряла большие потери. Он знает, что роль Америки в мировой политике весьма важна, и он полагает, что слухи о том, что будто в Европе не любят Америки, несколько преувеличены.

Поистине добавить к этому нечего.

Теперь, на пятом году президентства Куллида, в большой американской прессе он уже не так популярен. Но в первое время массовая американская пресса гордо восхваляла, что Куллидж—подлинно американец, что он отражает психологию, настроение и точку зрения среднего американца,—и вот это беспспорная истина. Но к бесспорной этой истине нужно кое-что добавить. Нужно добавить формулу одного американца социолога, который с полной серьезностью утверждает, что умственное развитие среднего массового типичного американца пристаивает к возрасту 13—14 лет. Мы не знаем, насколько справедлива теория этого социолога, но она безусловно справедлива в применении к среднему типичному американцу Куллижу. Его умственное развитие на самом деле не перешагнуло стены 13-летнего подростка из мелкобуржуазной семьи. И не то, чтобы этот 13-летний подросток был глуп: он просто ограничен, ограничен по последней степени.

Но и самый ограниченный американский подросток 13-ти лет из мелкобуржуазной семьи прекрасно понимает, что самая большая сила в капиталистическом мире—это капитал, и что тот человек, который хочет благополучно прожить свою жизнь, не должен делать ничего такого, что не понравилось бы представителям капитала. Вот эту истину твердо усвоил Куллидж, когда ему было 13 лет; с этой истиной он жил все дальнейшие 40 лет слишком лет своей жизни, отнюдь не опуская необходимости чем-либо заполнить свой умственный багаж. Во всеору-

жки этой истины принял он пост вице-президента, а затем президента, и этой истиной, наконец, твердо руководится он в ее всей своей президентской деятельности.

Можем безусловно утверждать, что он не будет избран президентом на будущее четырехлетие. История о нем, конечно, забудет, забудут и современники. Только любители анекдотов «о великих людях» запомнят, пожалуй, прелестный анекдот на счет Куллида. Когда он получил известие об избрании его президентом, он находился в доме своего отца, в провинциальном городке Вермонт. Получив извещение, он спустился на улицу, где ожидали его горожане, по небольшой каменной лестнице (дома провинциальных городов Соединенных Штатов отделяются от улицы небольшой лестницей); одна из каменных ступенек затаптывалась под его ногами. Куллидж был взволнован. «Отец,— сказал он,— эту ступеньку нужно поправить». Мелкий хозяин окказался верным себе. В тот момент, когда, как полагают, он должен был думать о судьбах мира, он думал всего лишь о каменной ступеньке. И совершенно правильно—Куллидж все-таки не так глуп, он прекрасно знал, что о судьбах мира будут думать другие, те, которые сделали его президентом.

СПЕШИ ПОДПИСАТЬСЯ на журнал "Смену"

на 1927 год.

Подписная цена:

1 мес.....	руб. 35 коп.
2	1 . . . . .
6	1 . . . . .
12	3 . . . . .

Подписать можно во всех почтовых отделениях СССР.

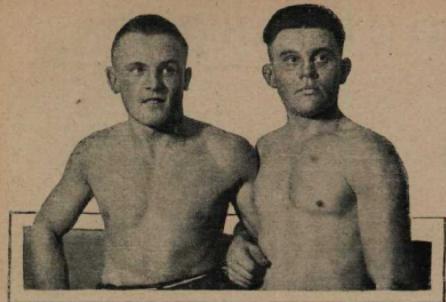
С нового года «Смена» будет выходить в измененном и увеличенном виде.

Так, где президентствует Куллидж.—На снимке демонстрация детей бастовавших текстильщиков. В «богатой» Америке дети забастовщиками носили плакаты с надписями «У нас опилили молоки», «Спасенные арестанты лишили нас питательной еды», «Г-н президент, конституция—не для голода»

ДВА ВЕЧЕРА БОКСА

Б. ГРОМОВ

Градополов и Вейс—наиболее известные боксеры СССР и Германии

Нигда еще в Госцирк в Москве не видел такого огромного количества публики.

За 2 часа до начала интернационального матча бокса уже висел аншлаг. А публики у дверей, публики на улице было больше, чем могло вместить самое большое здание цирка.

Широкие промышленные афиши, газетные анонсы, старательно разставленные приезд в Москву силынейших боксеров рабочего спортивного союза Германии (Брауншвейга).

Их прибыло 7 человек, во главе с представителем союза гор. Опперман и тренером команды.

До приезда в СССР немцы еще ни разу не побеждали в Москве. И вот вчера, 19 марта, матч бокса против рабочих боксеров Швейцарии немцы выиграли со счетом 9:5. Приехавшие в Брауншвейг латыши возвращались на родину, потерпев поражение с результатом 11:5.

По рассказам немцев, в Германии в рабочем тяжело-атлетическом союзе сейчас насчитывается 54,000 человек из них более 3,000 занятым боксом.

Сейчас в последнее время ведет огромную агитационную работу, в результате которой оливияне буржуазных клубов сильно ослабили, из-за перехода лучших боксеров в рабочий союз.

В СССР немцы командировали лучших своих представителей.

Приехали же все лучше—Бетман, по профессии повар в вест-струтхе—Хольцберглер, в весе лягушка—Хаке—кревельщик, в легком весе—Кнорр—мельник, в подсреднем—Бегельмайер—слесарь, в среднем—Людвиг Вейс—деревоблоебчик, и в полутяжелом весе—Кнефельд—деревоблоебчик.

Германские состязания начались обеими параллельными встречами, проходившими вокруг арены, где как грозди званых был сооружен квадратный ринг, опоясанный со всех сторон канатами. Тысячи электрических светильников место будущего боя были приветствия, пожелания, ответные речи, аплодисменты.

Немецкой команде был преподнесен огромный букет хризантем.

Наконец, удар гонгаозвестил о начале первой схватки. Волновавшаяся публика, ста-

рательно обсуждавшая, казалось, небольшие надежды москвичей, быстро утихомирилась, приготовившись к захватывающему острому и совсем обычному зрелищу. В первый паре боях показались члены СССР—московский Брест, которого публика быстро перекрещивала в «Брестис», и длинногонгий, худощавый немец Бетман с большими глазами и длинными, выведенными без всяких динамик и пошагов с большими мачтами в Риге.

Маленький «Брестис» на ринге оказывается весьма сердитым противником, который, несмотря на отсутствие хватки, наносит острыми ударами неизвестное, который уже вскоре переходит в обронительное положение, и старательно удар за ударом выводит его из строя. Под оглушительный крик публики, обрадованной первой победой москвича, судьи единогласно признают победу Бреста.

О следующей паре говорят много не скажут. Вышли два юноши—Вяжильчики и Хольцбергер, опровергнувшись друг на друга, обменялись яростными азартами и вспыхнули. Ничья. Шансы Москвы как будто бы не так плохи. Ждали разгрома. На деле же получилось совсем не так худо, хотя завсегдатаи бокса, заявляя пессимистичные, решительно каркали, что самое трудноепереди, что немцы силы в тяжелые весах.

По правде сказать, Павлову нельзя было заставить пойти на риск немец Хаке. Но всеобщему мнению, надо было присудить ничью, или передать в силах им у кого нельзя было видеть.

Первое и последнее за этот вечер поражение получили москвичи, когда Ильинчи, участник недавних поездок в Латвию, встретился с Кнорром. Крепкий, с крупной, рельефной мускулатурой, с чрезвычайно широким упротром и с Ильинчи. На первый круг, (руга) немец был определенно сильнее, но потом устал и если бы Ильинчи хранил бы силу, то он мог выиграть матч. Но... Ильинчи сам так изменился, что едва устоял на ногах до конца боя.

Красивую скратку показал Никонтич, недавно приехавший из Новой Бухары, с Бегельмайером. Вначале нерешительный, он чутко присматривался к своему противнику, изучая его технику, стал быстрее и энергично наступать. Вначале немец даже растерялся. Слишком неожиданно превратился Никонтич в грозди и одноглазого соперника. Быстрые точные удары Никонтича сделали свое дело: немец потерял всякую уверенность и инициативу. Судьи присудили победу советскому боксеру.

Наконец, показалась в своем ярко-зеленом парашюте, поднявшийся тонким шелковым шнуром, известный боксер Градополов, встрети-

вшегося с Людвигом Вейс так нетерпеливо жадна публикой.

Давно Градополова не видела публика. В по- следнее время он отказывался от матчей. И не только стал ему этот «отдых». Градополов не только не показал ничего нового, но был далек от «старого» Градополова, тренированного, ловкого бойца, которого привыкли видеть московской публикой.

Правда, злой, непротиворечивый противник был побежден, но этот бой не влечет новые лавры в боксерскую карьеру Градополова.

Кто удивил, кто порадовал своей техникой? Это Лебедев в матче с Кнефельдом. Быстро, сильные и точные удары, хорошая, ловкая защита Лебедева обеспечили ему победу.

Итак, в первый день интернационального бокса боксеры СССР получили 5 побед,

1 ничью и 1 поражение.

Второй вечер состоялся в знаменитом театре «Аквариум». Против немецкой выступали боксеры Ленинграда. Надо говориться. В Ленинграде до последнего времени бокс не только не развивался, но даже и не занимал. И это, несмотря на спланированные школы Всесоюзного Совета Физической Культуры, разъясняющие, что бокс, как чрезвычайно важное упражнение для подготовки юношей к армии, разымающее быстроту, выносливость, смелость, стойкость и т. д.

Началось с того, что единственным москвичом, выступавшим на этом вечере—Рукстене, сдалась Бетман. Затем Хольцбергер уверенно выиграл у Тихомирова, и Кнорр окончательно измотал Александрова. Но зато в следующих двух встречах Ленинградцы отдали себе реванши.

Молодой боксер Емельяненко покорил Градополова (вышел из строя) Бегельмайера, несмотря на свою небольшую рост, из-за чего ему было очень трудно боксировать. Эта победа стала Емельяненко в ряд лучших боксеров СССР. Во всяком случае он является сильнейшим и наиболее перспективным юниорским доселе неподблему боксером.

Против ленинградца Вертика выступил противник Градополова—Людвиг Вейс, который на своем веку испытал 67 боев (солидный стаж). Уже в первом раунде немец был покорен.

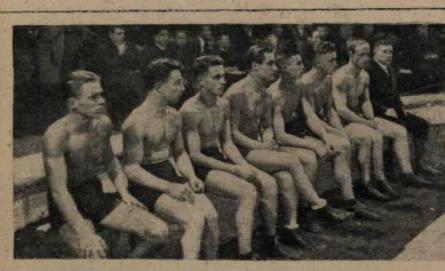
Он не смог больше выдержать бешенных ударов Бегельмайера. На втором круге Вертика, единственный противник Градополова, принял вызовом все последние годы с легкостью покинуть залы.

Л. Вейс, который имел скватки и с Вертиковым и Градополовым, заявляет, что на стороне Вертика все преимущества в силе ударов и выносливости.

Кто из этих двоих, классиков боксеров, сильнее—решится в конце этого месяца на большой международной встрече боксеров Москвы и Ленинграда.

Матч Станевича с Кнефельдом окончился вничью.

Итак, первая интернациональная встреча по боксу закончилась со следующими результатами: боксеры СССР получили 7 побед, 4 поражения и 2 ничьих.

Две команды боксеров—налево русская, направо германская—встретившиеся в Москве. Боксеры СССР получили 7 побед, 4 поражения и 2 ничьих

ГОРОД НЕБОСКРЕБОВ

П. ЛОПАТИН

НЬЮ-ЙОРК. Улица банков. Ее низкие этажи даже в самый солнечный день погружены в полумрак

ДВА СОПЕРНИКА

Современный город с широкими, пряммыми и ровными улицами, с площадями, бульварами и парками зародился не сразу.

Если не все знают прошлой истории развития

для примера возьмем самый высокий дом в мире—дом в Нью-Йорке, построенный фирмой «Бульварт». Фирма эта построила свой дом для своего председателя и его семьи. Она занимается строительством великой белошерстной на углах и перекрестках всех городов Америки. «Любая комната на выбор 20 коп.»—и вот из карманов десятков миллионов доверчивых покупателей, и, главным образом рабочего люда, до конца скопились те 9 миллионов золотых рублей, которые стоили этот величайший небоскреб.

Он имеет 58 этажей, и его остроугольная

железнодорожная линия, то во всяком случае телепередача жизни современного города проходит перед нашими глазами.

И надо сознаться, разинуть. В нем происходит борьба, и жесткая борьба, между двумя «сортами» города—между «городом-садом» и «городом-небоскребом».

Они не могут ужиться рядом, потому что каждый из них—прямая противоположность другому. Одному из них принадлежит центр. Кто же победит?

Решение этого вопроса интересно для нас как нельзя более актант. Потому, что наши крупные города и, главным образом, наша Москва стоят сейчас лицом к лицу с жестоким железнодорожным кризисом. мы должны решить раз и навсегда, с которым из этих двух ковчегов придется жить нам. Ведь широкое городское строительство для нас—это не далекое, туманное будущее, а вполне приблинувшееся к нам настоящее.

ГОРОД НЕБОСКРЕБОВ

Его родина—Америка. Там он родился, там взмынул и вырос в те колосальные гиганты—города, как Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и др. Их рост был удивительно быстр: как в сказке, появляясь за короткий период времени из деревни башни-домы. Потом же города Америки—это какое-то губонье ущелья, по обеим сторонам которых высится силуэты стен приближающихся близко друг к другу небоскребов в несколько десятков этажей.

И это понятно. Американский город может развиваться только по вертикали: вверх—в возвышение, вниз—в подземелье. Расширяться же по поверхности ему очень трудно—ведь каждая квадратная сажень земли в Нью-Йорке стоит круглую сумму в 60000 рублей.

АМЕРИКАНСКИЙ НЕБОСКРЕБ

Для примера возьмем самый высокий дом в мире—дом в Нью-Йорке, построенный фирмой «Бульварт». Фирма эта построила свой дом для своего председателя и его семьи. Она занимается строительством великой белошерстной на углах и перекрестках всех городов Америки. «Любая комната на выбор 20 коп.»—и вот из карманов десятков миллионов доверчивых покупателей, и, главным образом рабочего люда, до конца скопились те 9 миллионов золотых рублей, которые стоили этот величайший небоскреб.

Он имеет 58 этажей, и его остроугольная

башня поднимается над улицой почти на четыре километра.

Чтобы представить себестоимость этого дома достаточно сказать, что падение здания небоскреба равно 161,845 км. метров, т.е. около 15 десантов. Если бы мы подсчитали, сколько человек могло бы посесться в его 58 этажах, принимая наушу московскую норму в 16 кв. аршин на человека, то получили бы круглоую цифру в одиннадцать миллионов человек.

Целый уединенный город в одном доме—это что-нибудь да значит!

Но не только один небоскреб «Бульварт» может гордиться своими грандиозными размерами. Мы можем привести целый ряд таких громадных домов. Возьмем хотя бы небоскреб «Банксайд», высотой 38 этажей, здание «Банксайд-Траст», 48 этажей, небоскреб «Метрополитен»—50 этажей, старое здание общества «Метрополитен»—50 этажей и т. д.

Обеспечиваются подобные небоскребы целой системой подземных машин (лифтов). В узком знаком нам вальвортском небоскребе число их доходит до 27. Одни из них останавливаются на каждом этаже, другие—на «переворотах»—поднимаются, проходят 5—10 этажей без остановки. Подъем до 42 этажа совершается в течение 2—3 минут.

Дом этот не служит для жилья—в нем размещены разного рода конторы. И все-таки, несмотря на это, там есть все, что ни угодно американской жизни: магазины, рестораны, кинотеатры, магазины в течение целого дня: ванны с хвойной и теплой водой, бассейны для плавания, гимнастический зал и площадка для футбольных, многочисленных ресторанов и магазинов, где можно купить все, от иголки до автомобилей. А в самом верхнем этаже помещается банк.

Однаяя длина подземных труб в этом доме одна 100 килом., а линия электрических проводов измеряется сотнями килом. Что же касается электрических лампочек, то число их доходит до

80 000.

И не странно ли вам, каким образом строится такое колосальное сооружение? Как раздвигают также стены нижние этажи?

ПОСТРОЙКА НЕБОСКРЕБА

Американцы, первые, начавшие строить небоскребы, прекрасно решили эти задачи. Ведь строительство небоскребов было неизвестно прежде, тем более должны быть стены выше. В 12-этажном доме, построенным по обычному способу,толщина стен нижнего этажа превышает 1½ метра. Ясно, что если строить этим способом 30—50-этажные дома, то придется бы утолщать стены в нижних этажах в разы, края же и концы рабочих этажей, естественно, придется бы в проектировании фундамента: в них не нашлось бы места для каких бы то ни было помещений.

Между тем, американская техника нашла способ строить снизу вверх стены одинаковой толщины, так как используется для помещений только нижние этажи, но имеется еще целый ряд рабочих этажей в верхней части здания.

Способ этот состоит в том, что весь дом держится на железном скелете, на всей системе железных блоков, склепанных между собой,

Этот номер журнала высылается тебе последним, если ты не подписался на журнал „СМЕНА“ на 1927 год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1927 г. УДЕШЕВЛЕНА: 1 месяц—35 к. = 3 месяца—1 р. = 6 мес.—1 р. 90 к. = 1 год—3 р. 60 к.

ПОДПИШИСЬ НЕМЕДЛЕННО, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛ БЕЗ ПЕРЕРЫВА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Москве—в Главном конторе Издательства «Молодая Гвардия». Новая пл. 6, во всех почтовых отделениях, у всех письмоносецов и в специальных уполномоченных Издательством «Молодая Гвардия».

В ПРОВИНЦИИ—в отделах Издательства «Молодая Гвардия», в отделениях центральных газет и во всех почтовых конторах СССР.

Подписчик „СМЕНЫ“ может получить при подписке вместе с журналом по уценке книга на 40% цене книги:

1. «Товарищ»—спутник комсомольца. Записная книжка молодого рабочего, 314 стр. В переплете. Цена вместо 1 руб.—60 коп.

2. КАЛЬПУС, Б.—«Физкультура для всех. Популярное руководство по включению физкультуры в повседневный быт трудящихся города, для молодежи и взрослых обоего пола. Предисловием председателя Высшего Совета Физической Культуры—Н. А. Семашко. Второе издание, дополненное и исправленное. 46 рисунков.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. А. Семашко—предисловие. Введение. I. Необходимые гигиенические указания. Гигиена быта—основа предпосылка физической культуры. Рекомендации. Рекомендации. Закаливание кости. Правильное дыхание. Разные указания. II. Физические упражнения тру-

дового дня. В чем важнейшая ценность физических упражнений. Описание новых повседневных физических упражнений. Практические советы по спорту и спортивной подготовке. Сидение. Ходьба. Правильное положение стола. Специальные пыхательные упражнения. Упражнения нервно-мышечного двигательного аппарата. Упражнения в равновесии. III. Индивидуальное и коллективное пользование физическими упражнениями «трудовым бытом». Общие указания. Подбор физических упражнений. Схема первая—Недопинский, односторонний тру. Схема вторая—Надпинский, отставленный ногами тру. Схема третья—Трехлевая физическая работа. Основные правила занятий. IV. Контроль и самоконтроль. Врачебное обследование. Антропометрическое обследование. Указатель литературы. 156 стр. Цена вместо 45 коп.—50 коп.

на [месте, где должен быть дом, по плану стен] руют огромные колодцы, диаметр которых доходил иногда до 8 метров (4 саж.). По мере углубления, их укрепляют железными колоннами, а в самом дне колодца, когда оно доходило иногда до 30 метров (15 саж.), ведь их роют до тех пор, пока не дойдет до каменного грунта. Когда колодцы закончены, их загружают бетоном, а в нем укреплены железные балки, которые и образуют скелет дома. Эти балки склеиваются между собой поперечными—по числу этажей в доме.

Стены закладываются винту камнем, а верху здания укрепляется временная крыша. Так и растет ввысь американский дом, доставлен в своем росте необычайной быстрой: постройка дома в 38 этажей (редакция газеты «Чикагский Трибун»), законченная в 8 месяцев, вызвала нарекания за свою недлинность.

Особенно трудным моментом в постройке небоскреба является возведение последних верхних этажей. На высоте нескольких десятков метров над землей эти работы похожи на работу арабиста в шире. Каждую секунду рабочий должен быть внимательным и хладнокровным. Одно неверное движение—и гибель неминуема.

Для этой опасной работы в Америке есть особая группа рабочих, называемых «стальнойминарами», добывающими из обломков старых небоскребов металлические осколки, среди которых находятся они среди стальных столов и канатов, где-то на страшной высоте лежат снимают с крюком под симпатии новые «кости» железног скелета небоскреба, болтами скрепляют их, и все выше и выше растет их детище. Смертельные случаи с рабочими довольно часты. Но как-никак, ведь, «платят» за работу.

И за всю эту работу, в которой каждое мгновение грозит превратить его в расплющенную лопасть, рабочий цеха получает очень небольшие (по американскому масштабу) вознаграждения: квалифицированный рабочий получает 15 долларов в день, а начинает за час спешной отчаянной работы в среднем около 1 р. 50 к.

Так рождается и вырастает небоскреб.

ГОРОД БЕЗ СОЛИЦА

Казалось бы—
что же лучше по-
здирать жизнь
для рабочего тела!

А между тем, го-
род небоскребов
обладает одним
крупнейшим недо-
статком. Его «уми-
ление» в виде ста-
ны небоскребов
загораживает их
от солнца, и обычно
первая 1½—2
десятка этажей даже
в солнечный день затруждены в
какой-нибудь полумраке. И у
американцев сло-
жилась легенда:

туда, где редко бывает солнце,
часто заходит врач.

Правда, с этим недостатком пытаются бороться тем, что строят теперь так наз. «лестничные небоскребы», которые, по мере их роста вверх, уходят все дальше и дальше в глубь самого небоскреба, и это не достигает цели.

Но это—все. Американцы также никак не могут помочь в своем городе, что почти невозможно отдать значительной площади под бульвары, сады и парки. А отсюда второй недостаток города небоскребов—мало зелени.

Правда, все эти недостатки не касаются жизни состоятельного класса Америки. Последний живет в великолепных домах в этих мрачных домах башнях, лишенных солнца и зелени, а искалеченный трудом для уезжающих в свои загородные дома, где много и света и синего неба.

Но это не выход для нас. Нам надо такое устройство города, которое было бы построено на принципах гигиенического, или мы не можем выбрать себе такого типа города, который даже при всех остальных своих достоинствах не населен бы здоровыми своих жителей.

Город небоскребов в том виде, в каком вырос в Америке, для будущих наших городов совершенно не подходит. С ним нам не по пути.

Нью-ЙОРК. Гостиница Шел-Тон. Типичный лестничный небоскреб

КОМУ ЖЕ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ?

Наш будущий город,—то город-сад, широкий и привычен расстилающийся на громадной площади. Наш город,—это уютные небольшие жилые дома, теряющиеся среди моря зелени, сияющего воздуха и солнца. Но кое-что наш город возьмет и от первых американских гигантов. Это—городской центр. В нем будут небоскребы под общественные здания, учебные заведения, музеи, театры, торгово-промышленные конторы, редакции газет и пр.

И мы уже частично приступили к осуществлению этой задачи. Наш громадный, величественный в СССР, дом госпромспецности в Харькове, Москвеский телевышка, дом культуры в Красногорске—образцы советских небоскребов, которые составят центр будущего города. Рабочие же проекти-сады в Сормове, в Иваново-Вознесенске и др.—первые яичные будущих солнечных городов-садов¹.

Так два совершенно разных мира создают себе и разные города. Но будущий принадлежит только одному, громадному зеленому и солнечному коммунистическому городу-саду.

1 О том, как и из чего строятся наши сопет-сные небоскребы и наши поселки-сады, будет дана отдельная статья в одном из следующих номеров журнала.

ДОРОГА

В ночной тиши и степь угрюма.
Мелькают села по откосам,
И тихие проходят думы
В такт недремлющим колесам.

И я—не я, и степь иная
(Взырхненная годами степь).
Столбы, малиновками играя,
Склоняясь вперед к верстке.

И каждый столб мне люб и дорог,
А проводов ложматый гимн
Все изнавает—скоро... город
Разрушив глыб глаухой тайги.

А ночь сквозь смолистые шторы
Кивает розовой зарей,
Встречает соню селфи, фонари,
Играя в практику за горой.

В тиши ночной и степь угрюма.
Мелькают села по откосам,
И тихие проходят думы
В такт недремлющим колесам.

М. Шехтер

ВВЕРХУ—Железный скелет небоскреба. Пустоты между железными балками будут заполнены пустотными кирпичами

ВНИЗУ—Один из забетонированных колодцев в 30 метров глубиной, которые составляют фундамент небоскреба

